

Литературные известия

№ 10 (102)
Октябрь 2013

Газета Союза писателей XXI века, Союза литераторов России, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА В ЦДЛ

Людмила Осокина, Евгений Степанов, Нина Краснова, Михаил Николаев и Зульфья Алькаева

7 ноября в ЦДЛ состоялся первый вечер в рамках «Литературной гостиной Союза писателей XXI века».

С чтением стихов выступили поэты: Нина Краснова, Людмила Осокина, Андрей Баранов, Юрий Беликов (Пермь), Юрий Арго (Юрьев), Зульфья Алькаева, Михаил Николаев и другие.

Бард Сергей Светлов исполнил песни на стихи Роберта Рождественского, Иосифа Бродского и Евгения Степанова.

Ведущий вечера Президент СП XXI века Евгений Степанов рассказал о работе и планах писательской организации, об издательской и социокультурной деятельности.

Вечера в рамках «Литературной гостиной Союза писателей XXI века» проходят в ЦДЛ один раз в два месяца. Информацию о них можно прочитать на сайте СП и в Бюллетене ЦДЛ.

Евгений Степанов и Юрий Беликов

Сергей КИУЛИН,
фото автора

Выступает Сергей Светлов

Нина Краснова, Юрий Беликов и Людмила Осокина

Сегодня
в номере:

✳

Антология

Евгения Степанова –
книга года

✳

Страницы

Союза литераторов
России

✳

Новинки

издательства

«Вест-Консалтинг»

✳

Поэзия

Союза писателей

XXI века

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИР

НОВОСТИ «ЧИТАЛЬНОГО ЗАЛА»

Литературный портал «Читальный зал» (www.reading-hall.ru) в октябре 2013 года продолжает расширять контент. Размещаются новые номера журналов, газет, альманахов и книг, а также происходят регулярные обновления блога Евгения Степанова. Впервые с момента создания портала число уникальных посетителей перевалило за 550 человек!

Евгений МЕЛЕШИН

Зрители –
среди книг

По залам крупнейшего книжного магазина Москвы разносилось объявление – диктор приглашала заглянуть на второй этаж торгового центра, где с минуты на минуту должен был начаться творческий вечер Владимира Коркунова и Марии Малиновской «История на два голоса о трех неслучившихся чувствах». Одновременно это было и названием сов-

Выступает
Ирина Медведева

местного цикла поэтов, созданного накануне встречи – в октябре 2013 года.

Во вступительном слове Кирилл Ковальджи душевно рассказал о каждом из героев вечера и передал слово поэтам. Звучали стихи – современные, написанные авангардно, что, в общем-то, веяние времени, в котором уживаются мыслимые и невысказанные поэтические формы и жанры. Зрители, затаив дыхание, внимали.

После «Истории на два голоса...» пришел черед гостей мероприятия. Со словами поддержки, мыслями о современной литературе и поэзии выступили Ирина Медведева, Игорь Минутко, Людмила Осокина, Дарья Лебедева и др. Поддержали виновников встречи и коллеги – из «НГ Ex-libris» (редакция пришла едва ли не в полном составе – главред Евгений Лесин, Андрей Щербак-Жуков и Елена Семёнова), «Книжного обозрения», «Вопросов литературы» и «Новой Юности»...

Владимир Коркунов, Кирилл Ковальджи
и Мария Малиновская

В заключение вечера Мария Малиновская и Владимир Коркунов прочитали еще по три стихотворения, а потом на бис исполнили фрагменты из основного цикла.

Василий МАНУЛОВ,
фото Клементины ШИРШОВОЙ

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

ПОЭЗИЯ В «БИБЛИО-ГЛОБУСЕ»

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

АНТОЛОГИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА — КНИГА ГОДА

14 октября в Малом зале ЦДЛ состоялась презентация 3-х томной книги Евгения Степанова «Жанры и строфы современной русской поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков». Организатором презентации выступил Союз писателей Москвы.

Евгений Степанов рассказал о том, как стал заниматься стиховедением еще в студенческую пору, на факультете иностранных языков Тамбовского педагогического института, а потом продолжил — в аспирантуре

МГУ и докторантуре РГГУ (на знаменитой кафедре сравнительной поэтики, где многие годы работал выдающийся филолог М. Л. Гаспаров).

В трехтомнике представлены стихи современных поэтов, написанные в следующих жанрах: одностроки, дистихи, терцеты, катрены, пятистишия, восьмистишия, сонеты, палиндромы, заумь и т. п. А также опубликованы статьи Степанова об этих жанрах и формах.

— Много лет назад я стал изучать паральную культуру России, публиковал и публикую поэтов в своих журналах — «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ» и др. Только опубликовав их, я стал их изучать как филолог, — рассказал автор нашему корреспонденту.

На вечере выступили участники антологии — Кирилл Ковальджи, Константин Кедров, Нина Краснова, Евгений В. Харитонов, Владимир Коркунов, прозвуча-

ли песни в исполнении Виктора Попова, Ирины Голубевой.

Вел вечер патриарх русской поэзии, секретарь СП Москвы Кирилл Ковальджи.

В настоящее время Евгений Степанов продолжает работу над двумя дополнительными томами Антологии. Они будут посвящены уже не жанрам и формам, а конкретным современным поэтам.

Сергей КИУЛИН

(Предлагаем вашему вниманию фрагменты выступлений участников вечера.)

Кирилл КОВАЛЬДЖИ:

— Дорогие друзья! У нас сегодня особый, необычный вечер, событийный. Презентация антологии «Жанры и строфы современной поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков». Не каждый день, не каждый год и не каждое десятилетие появляются на свет такие антологии, как эта. (Кирилл Ковальджи показывает залу три тома. — Н. К.) И все это — дело рук одного человека, Евгения Степанова, человека необыкновенного, человека возрожденческого типа. Он и поэт, и прозаик, и критик, и ученый, и литературовед, и энциклопедист, и редактор, и издатель... Он умеет делать все, за что берется, он умеет все, и он все делает основательно, высокопрофессионально, и по-своему, по-новому. Он человек, не скованный никакими рамками, человек, не обремененный никаким давлением (сверху или снизу или откуда-то еще), человек, обретший внутреннюю свободу, человек, глубоко и беззаветно любящий литературу и чуткий ко всему новому, что происходит в ней.

Вы видите его труд — в трех томах — о современных формах русского стихосложения, о котором мы и будем сегодня говорить. Существует мнение, что русская поэзия оскудела в смысле формы и художественных поисков. Если просматривать наши традиционные толстые журналы и судить о поэзии по ним, то это так и есть, поэзия там бедновата в смысле формы, поисков, она в каком-то смысле устала, в ней нет того задора, который был когда-то, 100 лет назад. Но антология Евгения Степанова доказывает, что это не так, и что поиски новых форм в нашей поэзии продолжаются, и очень интенсивно. С массой имен, с массой удач, и пусть даже и неудач, но продолжаются, вы увидите это по его трем томам.

Евгений СТЕПАНОВ:

— Попытки делать подобные антологии уже были у Сергея Бирюкова. Я знаю его более 30 лет и имею честь называть себя его учеником. Сергей Евгеньевич Бирюков задал направление в работе... Я постарался продолжить его дело, выпустив антологию «Жанры и строфы современной русской поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков». Я тоже стал изучать различные формы поэзии: однострок, дистих, терцет, катрен, пятистишие, октава (восьмистишие), сонет, венки сонетов, верлибр, танкетка... Я считаю, что авангардные формы в поэзии т р а д и ц и о н н ы, они были и раньше, и есть сейчас, и

есть поэты, которые используют и развивают их в своем творчестве. Я напечатал этих поэтов в своей антологии. Это Сергей Бирюков, Константин Кедров, Елена Кацуба, Слава Лён, Кирилл Ковальджи, Евгений В. Харитонов, Нина Краснова, Владимир Коркунов... Многие поэты зачастую не попадают в мейнстримное толстожурнальное пространство. Чтобы исследовать их поэзию, мне надо было их напечатать. Я печатал и печатаю их в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Крещатик», теперь еще — и в «Зарубежных записках», который мы редактируем совместно с Даниилом Соломоновичем Чкония. А также в газетах «Поэтоград», «Литературные известия», «Есенинский бульвар»...

Для меня работа над исследованием поэзии не нова. Я окончил факультет иностранных языков Тамбовского пединститута. Всегда с интересом изучал теоретическую грамматику, поэтику, стилистику...

Правда, занимался в основном немецкой и французской стилистикой. Но и русской стилистикой и поэтикой — тоже. В Тамбове я посещал литературную студию «Слово», руководителем которой был Сергей Евгеньевич Бирюков, он приобщал меня (и всех студийцев) к стиховедению. Не все пошли по его стопам. Но я пошел. Хотя мог пойти и по иному пути. Я был в детстве-отрочестве спортсменом, чемпионом Москвы по хоккею с шайбой. Да, у меня были свои достижения в спорте. А я стал, извините, стиховедом. Это, конечно, сомнительная карьера для пятидесятилетнего мужчины, но другой карьеры у меня нет. Мои тренеры, мои друзья-спортсмены удивляются этому, говорят мне: «Неужели ты в этом что-то понимаешь?»

Еще бы я хотел сказать о тех поэтах, которые уже ушли из жизни, но остались в поэзии. О моих друзьях. Это Татьяна Бек, с которой я дружил более 20 лет, это Валерий Прокошин, Александр Ткаченко, Юрий Влодов. О них я писал в своих книгах «Профетические функции поэзии, или Поэты-пророки», «Диалоги о поэзии» и в своей антологии «Они ушли. Они остались», куда включил их стихи.

Можно много говорить о современной русской изящной словесности. Наверное, все, что я знаю о ней, я написал в этом трехтомнике «Жанры и строфы современной русской поэзии».

Константин КЕДРОВ:

— Кант говорил, что его интересуют две вещи: звездное небо над головой и внутренний моральный закон в человеке. Меня тоже интересуют две вещи — антология Степанова и я в ней (улыбается. — Н. К.).

У нас есть Евушенко и есть Сапгир, которые издали свои антологии. Подвиг Евушенко и подвиг Сапгира. И есть каждодневный издательско-редакторский подвиг Евгения Степанова, который издал не только эту замечательную антологию, но постоянно издает литературные журналы и газеты, а также стихотворные книги.

Есть термин «неофициальная поэзия». Значит — есть и официальная поэзия? Но если она официальная, то это не поэзия! В антологии Евгения Евушенко «Строфы века» — 800 поэтов. Но может ли быть 800 поэтов? Наверное, нет. Однако наше дело — собрать и сохранить то, что мы можем собрать и сохранить. А кто какой поэт, и кто поэт, а кто не поэт, пусть рассудит время.

У Евушенко есть свойства собирателя, хранителя, понимателя поэзии. Они есть у Сергея Бирюкова. И они есть, как, наверное, ни у кого сейчас, у Евгения Степанова. Он собрал (под одной крышей) самых разных поэтов, все группировки. Показал широчайший спектр русской поэзии.

Антология Евгения Степанова — очень важный труд, ценность которого будет возрастать и возрастать со временем.

Выступает Евгений Степанов

Там есть разные жанры поэзии, разные формы и приемы, но их на самом деле еще больше. Чтобы они все вошли туда, надо выпустить 6-томник.

Евгений СТЕПАНОВ:

— Сейчас многие говорят об упадке интереса к поэзии. Но никакого упадка на самом деле нет. Поэзия востребована. Антология «Жанры и строфы современной русской поэзии» в магазине «Москва» стоит 1450 рублей, и ее берут. Она стала бестселлером. В этой антологии продемонстрированы многие жанры поэзии... И заумь, и палиндром, и эпиграмма, и пародия, и неподцензурная частушка... Это все наша русская поэзия. Жанр частушки в книге замечательно представляет Нина Краснова. Я ее очень люблю, как поэта, и вообще... И сейчас при всех делаю ей признание в любви.

Нина КРАСНОВА:

— Антологию Евгения Степанова называют «книгой года». Книгой года считается книга, которая стала событием

года. Но антология Евгения Степанова — это событие не только 2013-го года, а всего нашего времени, событие XXI и XX веков. В литературе есть разные антологии — антология Евгения Евушенко, антология Владимира Кострова и Геннадия Красникова... Были разные тематические антологии стихов о природе, о войне, о Москве, была антология русского верлибра, антология «Московская муза»... Но такой, как «Жанры и строфы...» Евгения Степанова, у нас не было. В нее вошли все основные жанры и строфы современной русской поэзии: и однострок, и дистих, и терцет, и катрен, и пятистишие, и восьмистишие, и верлибр, и палиндром, и частушка, и пародия, и даже какой-то «листоверть» и «лингвообелен», и цифровая поэзия... В трехтомник вошли и медийные лица, и не медийные. Из тех, кто присутствует на вечере, это — Константин Кедров, Елена Кацуба, Кирилл Ковальджи, Слава Лён, Евгений В. Харитонов, Владимир Коркунов и сам Евгений Степанов. И очень интересно посмотреть, кто как работал и работает в поэзии. И интересно попробовать себя в разных жанрах. Ты сам не знаешь, в каком из них ты лучше проявишь себя.

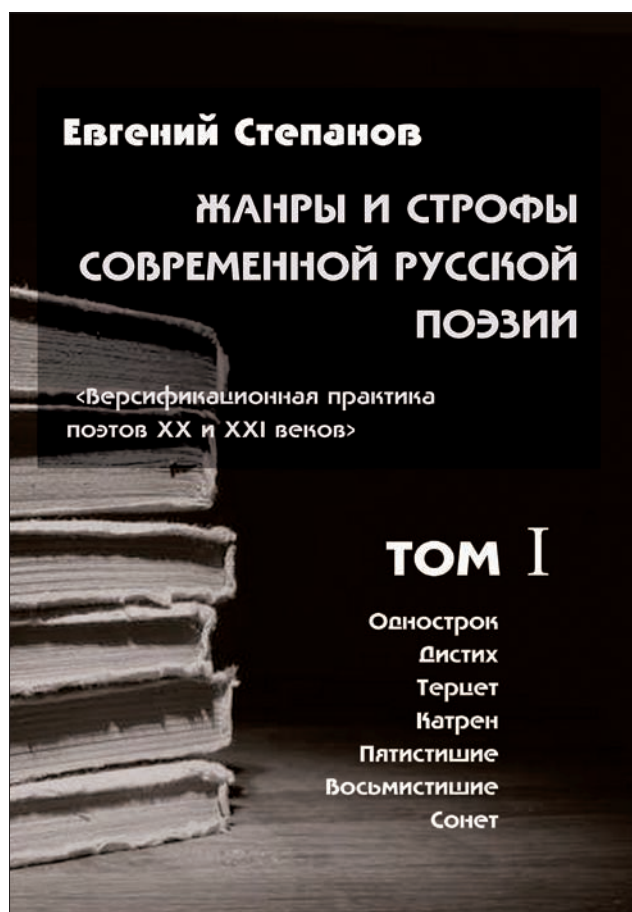
Антология Евгения Степанова — это книга на все времена, на все века, это своего рода энциклопедия и учебник (и хрестоматия) и настольная книга для поэтов, и не только для молодых, например, для студентов Литературного института или МГУ, но и для состоявшихся поэтов, и вообще для людей, любящих поэзию. И это просто очень увлекательное чтение, способствующее литературному и эстетическому развитию своих читателей.

Евгений В. ХАРИТОНОВ:

— У антологии Евгения Степанова «Жанры и строфы современной русской поэзии» есть один недостаток — маленький тираж. Было бы лучше, если бы этот тираж был большой. Потому что так получается, что в наше время люди, в том числе молодые люди, например, студенты МГУ, знают (более-менее) поэзию XIX века и поэзию середины XX века, а современную поэзию не знают (потому что она выходит в свет малыми тиражами и не доходит до широкого круга читателей). И так получается, что критики сейчас не пишут о современной поэзии, о ней пишут сами поэты. Поэты пишут о поэтах, сами исследуют стихи своих собратьев по перу. И Евгений Степанов, влюбленный в современную поэзию, пишет о современных поэтах, близких ему по духу, и пишет прекрасные аналитические статьи. Они есть в каждом томе «Жанров и строф современной русской поэзии».

Эти статьи для меня самое интересное в антологии. Я их читаю как самые увлекательные книги.

Нина КРАСНОВА

Евгений Степанов

**ЖАНРЫ И СТРОФЫ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

«Версификационная практика
поэтов XX и XXI веков»

ТОМ I

Однострок
Дистих
Терцет
Катрен
Пятистишие
Восьмистишие
Сонет

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Александр Файн**«Так это было»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Игорь Харичев**«Будущее в подарок»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2012

Мне кажется, есть смысл рассматривать сборник рассказов Александра Файна и роман Игоря Харичева в одной рецензии. Лежащие рядом, эти книги самими названиями составляют многозначительную антитезу: «Так это было» и «Будущее в подарок». Будучи выпущены в одном и том же издательстве в один и тот же отрезок времени, они сознательно обращены авторами одна в минувшее, другая — в будущее. Но мы же прекрасно знаем, что будущее без прошлого невозможно; что прошлое формирует настоящее (для него — будущее), что из настоящего «прорастает» будущее, по мере того, как настоящее становится прошлым... В общем, прошлое и будущее неразделимы в объективной реальности. То же самое происходит с этими временными категориями в художественной реальности.

Тем более, что рассказы Александра Файна, автора четырех книг прозы, человека сложной судьбы и потрясающе интересной биографии, в которой литературное творчество занимает одну из страниц, соседствуя с наукой, государственным менеджментом и даже спортивными достижениями — претендуют быть не «просто» рассказами — продуктами авторского вымысла, плодами работы фантазии. Это отмечают все, кто успел поработать с текстом Александра Файна до его выхода в печать — авторы предисловий и послесловий, лица очень солидные и авторитетные. Профессор и писатель Владимир Мединский, министр культуры РФ, называет сборник рассказов Файна «энциклопедией советской жизни», а свое предисловие — «Историей в деталях», таким образом, заостряя внимание читателя на том, что произведения Александра Файна историчны и реалистичны настолько, что могут служить едва ли не «справочным пособием» по изучению определенной эпохи. Писатель, член Русского ПЕН-центра Виктор Ерофеев, в своем предисловии сосредотачивается на художественных свойствах прозы Файна (одно из них — что прозаик выстраивает *формулу случайного выживания* для героев, обреченных судьбой на муки и гибель — это потому, что они родились в стране, для которой не важны люди, другое, не менее важное — что он *оправдывает любящего человека*); но и Ерофеев подчеркивает глубинную связь прозы Файна с «прозой жизни»: «Русская жизнь — это богатейшее месторождение сюжетов».

Эта же линия продолжается в послесловиях: писатель Эдуард Просецкий называет Александра Файна «летописцем своего времени» и считает, что это «достоинейшая миссия писателя». А литературный критик Владимир Коркунов прямо говорит, что писатель Александр Файн выработал новую форму рассказа и обосновывает видовые признаки нового жанра: рассказ-судьба. По мнению Владимира Коркунова, рассказ должен в наши дни вновь выйти на «аванпосты» русской литературы в силу его динамичности, соответствующей стремительно меняющемуся и информационно насыщенному времени: «Динамика жизни предполагает динамику чтения». Что же касается рассказов Файна, Владимир Коркунов отличает их от «мемуарной прозы», склонной «обелять» автора постфактум, так как Файн пишет психологично и объективно, а его ключевая задача — показать историю страны в судьбах людей. С этим выводом критика сложно не согласиться. Действительно, лейтмотив данной книги Файна (а также ранее прочитанной мною книги «Прости, мое красно солнышко») — воздействие, которое оказывает тот или иной общественный строй со всеми его «признаками» на человеческие души, мысли, поступки. Поэтому поведение людей воспринимается — как, собственно, и есть — еще одной объективной исторической реальностью. О чем бы ни шла речь — о временах борьбы с космополитизмом, когда евреи вели меж собой откровенные разговоры на идиш, а окружающие называли еврейские пословицы турецкими («Мой друг Вася»), или о брежневской поре, когда человеку мешают запустить в производство школьный учебник по физике тысячи бюрократических формальностей («Медаль»). В основном рассказы в книге «Так это было» грустные. Впрочем, о том, что под этой обложкой встретится мало веселого, предупреждает название: «Так это было» — свидетельствует о жесткой правде, констатации фактов без попытки их приукрасить. Чуть ли не единственный рассказ с действительно счастливым концом — «Решение», перифраз более ранней лирической повести «Прости, мое красно солнышко». В первом варианте повести главный герой расстался с любимой женщиной под гнетом обстоятельств и «мудрых» соображений. Во втором, ныне опубликованном, презрел их все ради любви и встре-

тил полное понимание женщины. В остальных же рассказах счастье героев, согласно расхожему убеждению, есть отсутствие несчастья. Как уже отмечали все рецензенты рассказов Файна, действительность его прозы (читай — действительность описываемой эпохи) такова, что могло бы кончиться и хуже. Особенно отчетливо эта мысль выражена в рассказах, так или иначе связанных с колымской, лагерной темой — росший на Колыме, Александр Файн знает о «чуждой планете» не понаслышке. Таковы в этом сборнике «Портрет с голубыми глазами», «Не отступись, доченька», «Медаль». Угроза лагеря или память о нем всегда присутствовала на «заднем плане» быта советского человека — к такому выводу словно бы подводит Александр Файн. Видимо, потому его излюбленный человеческий типаж как писателя — тот, что не ломается и не деградирует ни от страха перед наказанием, ни во время его отбывания, ни после него. К счастью, рассказы-судьбы Александра Файна свидетельствуют, что и такие типы существовали в нашем прошлом — хоть и в меньшинстве.

У меня возникло лишь одно небольшое замечание к манере изложения Александра Файна: он слишком буквально уподобил свои рассказы «энциклопедии», рассыпав по тексту каждого из них цифровые отсылки к примечаниям, стоящим после каждого рассказа. Примечания касаются топонимики («ныне — Никитский бульвар»), персоналий прошлого — актрисы Фаины Раневской либо министра иностранных дел Вячеслава Молотова, перевода диалектических выражений (допустим, с идиш), иных характерных черт эпохи: «В 1952–53 гг. старшеклассники изучали работы Сталина “Экономические проблемы социализма” и “Марксизм и языкознание”». Безусловно, это ценная, особенно для молодых читателей, информация. Просто ее, на мой взгляд, можно было собрать в одном разделе — скажем, в конце всей книги, чтобы не перебивать «справочными блоками» рассказы, не отвлекать читателя от чтения — от погружения в слово и в прошлое.

Что касается книги Игоря Харичева «Будущее в подарок», то она внешне является «антитезой» книги Александра Файна не только по названию. Это роман, а не сборник рассказов; это фантастический роман, в аннотации которого есть прямое указание на то, что перед читателем опыт футурологической фантастики — «попытка представить, какими будут мир и Россия через 50 лет»; это фантазия, приукрашенная авторской волей, направленной на создание увлекательного сюжета. И все же духовное «родство» этих двух книг мне очевидно — как уже было сказано выше, будущее порождается прошлым. Игорь Харичев, физик по образованию, политолог по специализации, сотрудник Администрации Президента РФ в 90-х годах, публицист по призванию, автор шести книг, написал роман о том, каким может оказаться будущее, «выросшее» из сегодняшнего расклада сил в экономике, политике и ментальности людей. Чтобы зримо связать это, реальное, и то, гипотетическое время, Игорь Харичев предлагает эффективный сюжетный ход: сотрудник Интерпола Питер Морефф в наши дни получает тяжелое ранение при выполнении ответственного задания, а приходит в себя через пятьдесят лет в больнице Всемирного бюро расследований, возникшего на основе Интерпола. Глазами Питера «оценивается» общественное устройство и технологическая оснащенность

2061 года. Книгу оживляет то, что один из давних противников Мореффа также оказывается в будущем и продолжает с ним борьбу. Однако подлинной сутью романа «Будущее в подарок» (разумеется, так думает о своей судьбе Питер) являются не «полицейские» приключения. Роман писался ради прогнозирования будущего, и, надо сказать, что Игорь Харичев видит будущее без лишней «утопичности». При всей его высокотехнологичности, практически избавляющей человека от необходимости работать руками, хоть дома, в быту, хоть на службе. Во-первых, Питер быстро выясняет, что не все социальные язвы прошлого побеждены: «Есть депрессивные регионы. Есть безработица. Есть преступность... Есть экологические проблемы, и весьма серьезные», — объясняет ему Линда, психолог, прикрепленный к пациенту, впоследствии выходящая замуж за Питера. Но одной из самых существенных проблем будущего становится «зона особого риска», особая территория, вызывающая страх у обывателей. Дело в том, что в ней живут люди, отказавшиеся от всеобщей имплантации чипов (в их числе — дочь Питера, которая сейчас едва ли не старше папы). Это «люди, не желающие быть все время под контролем, когда про любую момент известно, где он, с кем, как себя чувствует... Мы живем так, как хотим». Таких людей в будущем не так уж и мало — более трех миллионов человек. Но для государства их словно бы не существует, они лишены многих прав и возможностей, упрощающих жизнь «зачипованного» большинства. А первопричиной проблем в будущем Игорь Харичев видит (и оглашает устами своего героя) «диктатуру большинства. Дело в том, что большинство не всегда право. Диктатуру большинства надо бы сменить диктатурой интеллекта». Однако, тут же признается Питер, глобализация была необходима, ибо «территориальная зависимость человека давно уже стала несущественной». Явно в дискуссиях, которые ведет Питер пятьдесят лет тому вперед, звучат отголоски современных споров и прогнозов. Питер ищет пути решения футурологических проблем. В книге ему это удается — он «пробивает» признание прав людей, живущих без чипов, ликвидирует унижительное понятие «зоны особого риска» и собирается бороться дальше за то, чтобы диктатуру большинства сменить диктатурой интеллекта. Но финал книги открытый, и мы не знаем, удалась ли Питеру эта «программа-максимум». Понятно, что сегодня никто, будь он хоть семи пядей во лбу, не предложит эффективного способа построения такой системы «аристократии духа». Но Игорь Харичев хотя бы предложил свое видение решения вопроса! Иначе, в его представлении, счастливое благополучное будущее будет таким же «несвободным», как прошлое в историях Александра Файна. И такая возможность, к сожалению, оправдана — ведь это наше прошлое и наше будущее!..

Надеюсь, что книги Файна и Харичева будут не только прочитаны широким кругом читателей, но и осмыслены — ибо это произведения не для одного эстетического удовольствия, но для осознания.

Елена САФРОНОВА

КНИГИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

Евгений Степанов
**«Профетические функции поэзии,
или Поэты-пророки»**
М.: «Вест-Консалтинг», 2011

Очень интересной показалась мне и вызвала много размышлений сравнительно небольшая по объему книга Евгения Степанова «Профетические функции поэзии, или Поэты-пророки», вышедшая в издательстве Вест-Консалтинг в 2011 году и посвященная значительной и малоизученной еще теме слова как сакрального элемента, имеющего способность воздействовать на будущее. Так велика тайна Слова, которое в мировых религиях, и, прежде всего, в христианской, имеет божественную сущность, а в Новом Завете — Евангелии от Иоанна прямо говорится: «В начале было Слово, и Слово было БОГ», что часто думается: а возможно ли вообще эту тайну когда-нибудь разгадать? Посвящая свою жизнь служению Слову, получают ли поэты способность предвидеть будущее? Или сам Бог дает знаки тем, кто берет на себя ответственность за каждую попытку с помощью слова уподобиться самому Творцу?

В этой тайне больше загадок, чем разгадок, но не увидеть определенное влияние Слова на судьбу поэта, который со Словом работает, невозможно. Речь идет не только о предвидениях, касающихся личной судьбы поэта, хотя это немаловажно. Поэты, подобно самым великим монахам-затворникам, часто видели в своем духовном сознании не только время своего ухода из земной жизни, но и то, как это произойдет. Однако через свой внутренний мир, как через своеобразное окошко в канал связи с Божественной энергией, как сказали бы об этом новомодные экстрасенсы, они могли прозревать судьбы всего человечества: смену экономических формаций, революции, войны, стихийные катаклизмы. В данном случае, думается, речь не идет о каком-то внезапном наитии, пришедшем свыше. Поэты, в отличие от затворников-монахов, всегда были настроены, как камертоны, на общественную жизнь своего времени. В знаменитом стихотворении А. С. Пушкина дана главная цель настоящего творца слова: «Глаголом жечь сердца людей». Потребность в слушателе у поэта есть основополагающая мотивировка к творчеству, и стихотворцу совсем не безразлично, что происходит вокруг. А обладая более тонким восприятием действительности, чем обычные люди, талантом выбирать такие слова и такую поэтическую форму, которая наиболее эффективно добивается не только до ума, но и до

души другого человека, поэт, выступая в роли пророка, открывает глаза своему читателю на то, что уже существует, но, может быть, еще закрыто для сознания этого самого читателя.

Как пишет Е. Степанов, магистральная цель поэзии — передача (разными версификационными средствами) информации — предполагает наличие читателя как со-автора. Автор книги подчеркивает, что «поэзии поэтов-пророков свойственна не просто коммуникативная функция, а мета-коммуникативная, т.е. всеобъемлющая, рассчитанная на максимально широкую аудиторию, в том числе из будущих (прошедших?) поколений». Думается, здесь действует все тот же механизм исключительно высокой ответственности литератора перед своим читателем и за своего читателя. Осознавая свое влияние на умы и

настроения и в чем-то на будущую судьбу своего народа, поэт не может не ощущать тяжести своей великой миссии. Как говорит русская пословица: «Что написано пером, того не вырубишь топором» или «Слово не воробей — вылетит, не поймаешь». А если говорить об этой великой миссии, достаточно вспомнить А. С. Пушкина, который писал: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал». «Любезен» этим Александр Сергеевич будет, верится, не только народу, но и самому Богу, потому что осознал главный закон обращения со Словом. И Тютчевское «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется» идет в какой-то мере вразрез со стихами А. С. Пушкина, если воспринимать их в контексте данной проблематики. Поэт просто обязан предугадывать воздействие своего слова.

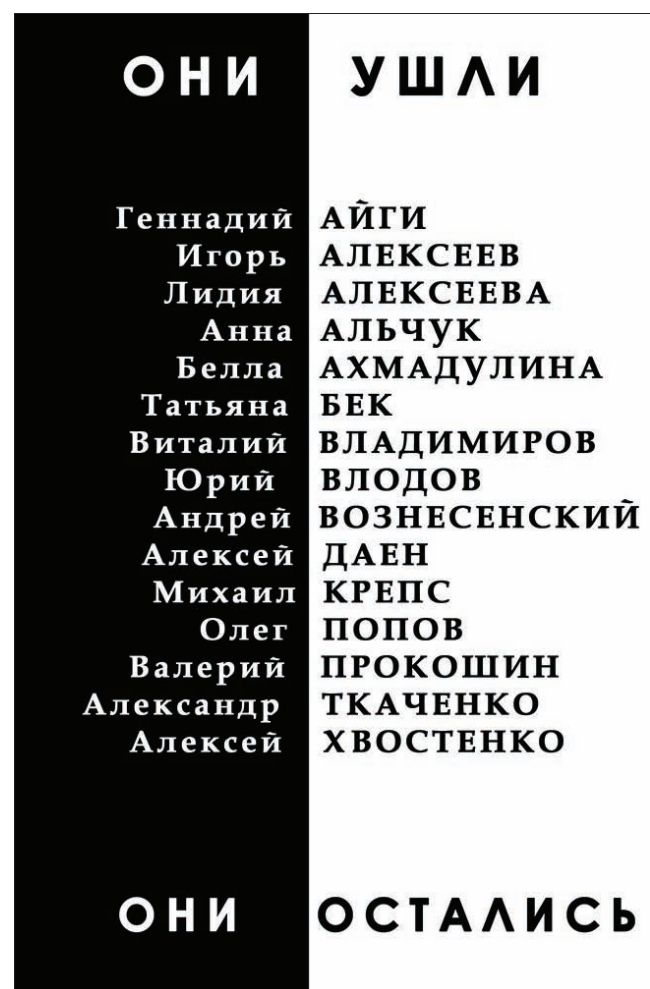
В своей книге Евгений Степанов подробно и очень доказательно рассказывает о провидческом даре таких поэтов, как А. Пушкин, В. Хлебников, М. Волошин, М. Цветаева, З. Гиппиус, С. Есенин и Н. Рубцов, В. Цой, А. Ханьков, Б. Рыжий, Т. Бек, А. Альчук. Мне кажется, очень интересно будет поклонникам этих талантов с новой точки зрения взглянуть на их творчество. И все же книга Е. Степанова лишена исторической увлеченности мистикой. И в этом ее несомненное достоинство. Задачей писателя не было на уровне чтива для домохозяек раздуть маленькую сенсацию. «Трагические голоса эпохи» названа последняя глава книги. «Голоса трагических эпох» — так можно было бы перефразировать это название. На странице «Коротко об авторах» читаем: «Поэт. Погиб на дуэли», «Поэт. Покончил с собой», «Поэт. Пропала без вести»... Воистину, не то, чтобы «нет пророков в своем отечестве», а просто — они не нужны. Не хотим, чтобы «глаголом» жгли наши сердца? Поэтому и не бережем своих поэтов? Как писал М. Лермонтов в стихотворении «Валерик»: «...В самозабвенье / Не лучше ль кончить жизни путь? / И беспробудным сном заснуть / С мечтой о близком пробужденье?» И как трагически трансформируется образ пророка в его творчестве! Может, потому, что в какой-то момент ощущают духовную глухоту своего окружения, поэты осознают, что их миссия на земле закончена и ждут своего конца? Книга Е. Степанова не случайно (здесь видна позиция самого автора) символически заканчивается стихами З. Гиппиус: «И мы не погибнем — верьте! / Но что нам наше спасенье: / Россия спасется, — знайте!» Очень верится, что слово этого поэта-пророка обязательно и дословно воздействует на наше будущее!

Ольга ДЕНИСОВА

Евгений Степанов
«Они ушли. Они остались»
Том первый
М.: «Вест-Консалтинг», 2012

Книга Евгения Степанова «Они ушли. Они остались» — начало грандиозного проекта, имеющего цель, прежде всего, отдать дань памяти поэтам, которые так недавно еще были с нами и которых больше нет. Так повелось, что смерть поэта проводит в нашем сознании определенную черту, за которой принято подводить итоги и определять место этого поэта в литературной иерархии. Мы не торопимся обычно оценить по достоинству даже несомненные таланты при их жизни, забываем сказать им о нашем уважении и восхищении, и все почтительные речи ведем уже «за гранью смертельного круга». Что ж, эту традицию вряд ли удастся когда-то сломать, а «что имеем, не храним, лишь потерявши, плачем». К чести Евгения Степанова следует признать, что пишет он в антологии не просто о своих современниках, а о друзьях, близких знакомых, с кем связывали его годы личного общения, пишет с неподдельной любовью, продолжает разговор с ними, не отрубая их в своем сознании от жизни и не давая читателю сделать это. И это придает книге неповторимое обаяние и привлекательность. Ушедшие поэты не «бронзовеют» под пером составителя сборника, они остаются живыми людьми, но настолько интересными и умными собеседниками, что вызывает искреннее сожаление, что не всем довелось пообщаться с ними. Однако, как пишет в предисловии автор, их стихи начинают новую жизнь, а это означает, что через них огромная аудитория читателей сможет вкусить от «роскоши общения» со своими поэтами. Да, благодаря выходу в свет антологии и подвижническому подвигу Е. Степанова (не боюсь власть в излишний пафос, говоря заслуженные слова благодарности и восхищения автору-составителю), любители поэзии смогут осветить свои души общением с Геннадием Айги, Игорем Алексеевым, Лидией Алексеевой, Анной Альчук, Беллой Ахмадулиной, Татьяной Бек, Виталием Владимировым, Юрием Влодовым, Андреем Вознесенским, Алексеем Даенем, Михаилом Крепсом, Олегом Поповым, Валерием Прокошиним, Александром Ткаченко, Алексеем Хвостенко.

Такие разные люди! Среди них члены Союзов писателей, лауреаты всевозможных литературных премий, живые классики и легенды, а есть и те, кто никогда не состоял ни в каких творческих союзах, чьи книги никогда не издавались при жизни. Есть те, кто

пережил настоящий успех и всенародное признание в качестве профессионального поэта, есть те, у кого карьера не была связана с поэзией. Их всех объединяет одно: они были Поэтами, «замечательными мастерами изящной словесности», как называет их Е. Степанов. Такие разные судьбы, такие разные голоса. И мы слышим «ветер за углом» Геннадия Айги, который поет «о свете, что во тьме». И мы видим вслед за Игорем Алексеевым, как «То сплосно, то отсечно / С bestолковостью чуда / Появляется нечто / как бы из ниоткуда». И мы ощущаем аромат «смолистых стихов» Лидии Алексеевой, в которых «под корой древесною / До срока

залегло / Для очага безвестного / Тайное тепло». И мы чувствуем вместе с Анной Альчук, как «прошивающим землю дождем / журавлем / обживается вечность». И в печальные моменты жизни мы обращаемся к одиночеству с мольбой Беллы Ахмадулиной: «Дай стать на цыпочки в твоём лесу, / на том конце замедленного жеста / найти листву, и поднести к лицу, / и ощутить сиротство, как блаженство». И мы, как из чистого колодца, напьёмся из поэзии Татьяны Бек, где «капли в пригоршне стиха: / Недоуменье и прозренья...» И останется в сознании, несмотря на печали, акварельная зарисовка Виталия Владимировича: «небо такое синее как будто всю жизнь был и есть день». И вздрогнет от твоего прикосновения «Сердчишко стихотворного птенца» Юрия Влодова. И в попытке примирить вместе с Андреем Вознесенским «эту истину и ту» мы вдруг «станем мыслящим эфиром / пролетающую тень». А Алексей Даен поможет нам увидеть, что «глаза в кавычках / множества морщин / Цитата опыта / есть красота», и понять, что смысл жизни — «сеять доброе/вечное при перманентной засухе». И Михаил Крепс предпримет попытку еще раз напомнить о всеобщем увлечении грехом «использовать не по назначению / Слово, которое было вначале», но будет ли услышана эта истина и на этот раз? И станут ли ее слушать те, как пишет Олег Попов, «молодые, симпатичные, деловые, энергичные, практичные», ведь «Нет у них ни забот, ни сомнений, / Ни чужих и ни собственных мнений». Это у того, «потерянного», поколения Валерия Прокошина есть свой рецепт выживания в «вечном бою»: «Закрываешь глаза и видишь себя внутри / Райского сада». А как выжить в мире, где, по словам Александра Ткаченко, «Клоны живут среди нас», и, может быть, от этого тоже «Такая грусть, печаль такая, / Как будто кто-то вывернул меня / Наизнанку... А там снова — / Изнанка». И последний отзвук разноголосого хора ушедших поэтов — обращение к нам, оставшимся, Алексея Хвостенко: «Живые / Равных вам / Нет уже / Если уж жить / Живите...» И тревога Беллы Ахмадулиной как будто и за оставшихся нас: «Только вот что. Когда я умру, / страшно думать, что будет с тобой».

Они ушли... Они остались... Поэты, «печальные жители Атлантиды, уцелевшие на свою беду» (Лидия Алексеева), считающие, что, получив свыше дар иного, поэтического, видения мира, «негоже просить о награде, потому что и так — перебор» (Татьяна Бек). Даже если поэт — это тот человек, который «как сеть. / Вначале она пуста. / Потом в нее попадают люди, / Бабочки, цветы, события, облака. / Потом она становится слишком полной, / Разрывается — / И нет человека» (Михаил Крепс)...

Ольга ДЕНИСОВА

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Павел Рыков

«Биоценоз»

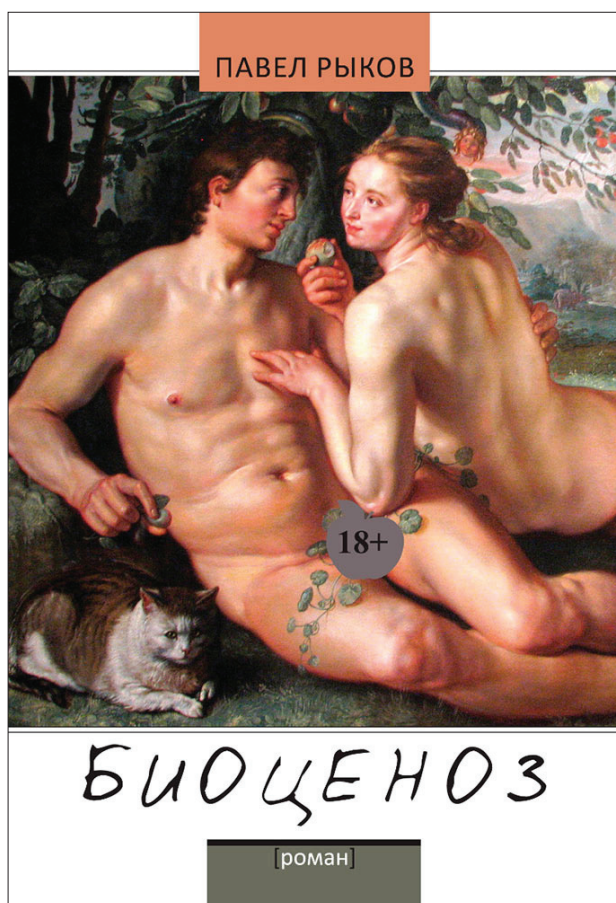
М.: «Вест-Консалтинг», 2013

В отличие от «Миража» Чейза, где герои-преступники улепетывают, заматывая следы, от полиции, в «Биоценозе» Павла Рыкова такая же безудержная и захватывающая читателя погоня. Только убегает от преследования — причем, двоякого, — от полицейских и бандитов одновременно, ни в чем неповинный, но волею судеб оказавшийся в центре детективного сюжета главный герой романа Сергей Константинович — доктор биологических наук, профессор, директор одной из экспериментальных лабораторий.

По жанру роман, скорее всего, можно отнести к детективу с элементами драмы. Во всяком случае, основные жанровые критерии и типичность персонажей здесь соблюдены: загадка в расследовании неожиданных убийств, выявляющаяся постепенно целая сеть преступных наркодельцов, свидетели, потерпевшие, подозреваемые и даже сыщики. Вот с последними, правда, дело обстоит сложнее.

По ходу развития сюжета и углубление героя в воспоминания о своей жизни и любви официальные сыщики постепенно растворяются и, размываясь, исчезают из повествования, что, впрочем, часто наблюдается и в реальности. Роман продолжается уже не столько погоней сыщиков, сколько погоней бандитов за пытающимся исчезнуть из их поля зрения Сергея Константиновича.

Детектив плавно переходит в триллер, действие которого, по определению Роса Макдональда, всегда «движется вперед, к катастрофе». Нарастающее эмоциональное напря-

Сергей Нырк

«В плену у алфавита»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Лет 8 назад в одном из московских издательств вышла книга Татьяны Бек «До свидания, алфавит», которую критики назвали «одухотворенным документом литературного хроноса». Возникает аллитерация с новым стихотворным сборником Сергея Ныркова «В плену у алфавита» — его можно было бы причислить к такой же ретроспективе — не только времени, но и ступеней развития миропонимания, драматической души.

Открывая книгу, понимаешь с первых строк: вы столкнулись с чем-то очень значительным, мимо чего не пройти, бросив поспешный любопытный взгляд.

Краткой цитатой, словами из Апостола Павла открывается этот небольшой, но прекрасно составленный сборник:

Мудрость мира сего,
Безумие в глазах божьих.

Было бы мудрым, наверно, не прерывать так удачно складывающейся творческой карьеры. В начале 90-х Сергей Нырк — известный литературный критик, автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей СССР, на вступление в который получил рекомендацию от самого академика В. В. Кожина, что, казалось, должно было успешно определить дальнейшую литературную судьбу.

Наталья Лайдинен в предисловии к сборнику:

«Тридцать лет назад талантливый, амбициозный и харизматичный Нырк метеором ворвался в мир поэзии и авторской песни, вскружил головы поклонникам, сорвал аплодисменты в разных регионах России, почувствовал вкус популярности... Неожиданно для себя он резко оставил творчество и принял на себя карму поколения «лихих девяностых»... Занялся крупным бизнесом, носился между городами и странами, много заработал, не меньше потерял... Казалось, поэзия осталась для него в далеком романтическом прошлом и Муза не вернется уже никогда».

Биография поэта объясняет его творчество или наоборот — творчество объясняет биографию. В данном случае они типичны для талантливого человека, чья юность пришла на переломный момент российской истории, когда метания молодых людей, формирующихся в эпоху бесконечных кризисов, происходящих трагедий вокруг, которые нередко касались и близких, не могли не сказаться на творчестве. Ощущение нестабильности жизни и постоянного дискомфорта, присущее всем желание, с одной стороны — устроиться, с другой — все перепробовать, в конечном итоге, выливались в далеко не конформное и не комфортное творчество:

Я допью из кружки его вино
И пойду к нему через речку вброд.
Вон звезда слетает в его окно,
Только он там уже не живет.
Не живет мой друг. Будто тыщу лет
Словно день один. И душа болит.
Журавли до хрипа кричат в рассвет,

И тюремный конвой не спит.
То ли ветер жесть сдирает с крыш,
То ли ангел одежды срывает с себя.
Мне кричат: «Уезжай скорее в Париж.
Дойдет очередь и до тебя».

(Из стихотворения «На смерть друга»)

Не яркие метафоры определяют поэзию Ныркова, не игра или эксперименты со словом, но пронзительная философская лирика потерянного в безвременьи поколения. Поколение это было двояким. Многие сгнили, погибли, спились, подобно персонажам прокошинского «Выпускного — 77», кто-то уехал. Возможно, их было большинство, как при жестокой селекции, естественном отборе. Но те, кто остался, были наделены серьезными задачами, и этот родившийся сборник — одно из отражений тех самых задач — на фоне собственных и мировых разрушений и бесконечных искушений, соблазнов, — сохранить душу:

...И как я выжил почти загадка,
Я лишь случайно остался цел.
Тот, кто зажег огонь в лампадке,
Меня, наверно, крылом задел.

Стихи поэта, отражающие дух времени, опыт, через который он прошел сам, не могут не задевать, не иметь отклика в душах окружающих, оставлять равнодушными. В свое

время, по мере этой безысходной погони, прерывается погружением главного персонажа далеко не в детективный мир воспоминаний. Это его прошлая жизнь: повседневность, любовь, ревность, периоды сложных или счастливых отношений с женой, размышления о нашем времени как об эре «полиэтилена в завершающем периоде плейстоцена», о человеке, как владыке мира, «который он, владычествую, одновременно уничтожает», — все это доказывает в авторе не поверхностного детективщика, а тонкого исследователя души, что расширяет границы жанра до социально-психологического романа.

Закономерно завершается роман смертью героя на свалке — символ грязи, в которой живет и умирает человек, и не доведя до конца дело своей жизни, разочарованный и побежденный предательством, — вытесненный.

В названии «Биоценоз» есть некое философское предупреждение, взгляд на человека как на элемент однородного жизненного пространства, саморегулирующей себя системы, где уживаются между собой только определенные виды, а все ненужное вытесняется в ходе конкурентного исключения.

Биоценоз — это уменьшение уровня межвидовой конкуренции, поэтому книга не дает радужного пророчества на то, что умные, добросовестные и порядочные не будут уничтожены ядовитым планктоном.

Наталья ЛИХТЕНФЕЛЬД

время дух эпохи выражали Вознесенский, Ахмадулина, Высоцкий.

В отличие от них, голос Сергея Ныркова, скорее, камерный, доверительный, не рассчитанный на стадионы. Но в нем удачно синтезировались все лучшие ноты предшественников, не затмевая личности поэта.

Творчество — это не только терапия чувств, но и та обитель, где человек, какие бы пути он ни прошел в жизни, охраняется самим Космосом.

Сергей Нырк — один из тех поэтов, чьи строки запоминаются без всяких усилий (наверно, это связано с их музыкальностью), впечатываясь в сознание, а, вернее, даже извлекаясь из него уже в стихотворной форме. Ловишь себя на том, что все это уже было в тебе самом, но ты не смог выразить эти мысли так удачно.

Меня вокзалы гнали прочь
и били светом.
Мне кто-то с неба в эту ночь
швырнул монету.
Я наклонился, чтобы взять, —
мне было мало.
Но не успел ее поднять, —
меня не стало...

Читая стихи Сергея Ныркова, приходишь не к очень удобной для себя мысли, что поэт, наверно, все же не может быть космополитичен. Любовь к Родине — почти потерянное понятие в этом мире, проходит через всю книгу болью за свое Отечество:

И ворон с глазами пропойцы
Следит за моею походкой,
Висит над Отечеством солнце —
Бульжник на ниточке тонкой.

Вспоминаются строки Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю», когда читаешь следующее:

...Будто я провалился в крошечный сон,
И кричат повсюду мне: «Уезжай!»
Я по пояс увяз в этот мокрый перрон
И никак не скажу «прощай».
Видно, впрямь без меня лес не станет расти,
Видно, в землю уйдет из озер вода.
Я иду домой и шепчу: — Прости!
Не уеду я никогда.

Появление книги Сергея Ныркова — большая удача для всех ценителей настоящей поэзии.

Наталья ЛИХТЕНФЕЛЬД

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Николай Никулин
«Сто и одна книга,
которую нужно прочитать»
 М.: «Вест-Консалтинг», 2012

Николай Никулин — журналист, радио — и телеведущий, ученик известного философа Владимира Микушевича и литературного критика Льва Аннинского предлагает нам, чтобы не попасть впросак при разговоре о высоком, сборник статей о книгах, ставших достоянием мировой культуры, которые, по его мнению, нужно прочитать.

Уже в предисловии к книге вспоминаются слова, приписываемые Исааку Бабелю, что человек должен прочитать только десяток книг в своей жизни, но искать их из миллиона. Конечно, каждому человеку нужно что-то свое, что не требуется другому. То, что на одного произведет впечатление и будет являться пищей для души, не станет ключевым для кого-то еще. И все-таки определенным культурным запасом должен обладать всякий, именно на это и ориентирована книга, которая неслучайно начинается со статьи об известном произведении Рея Бредбери «451 градус по Фаренгейту» — антиутопии, где во имя превращения людей в стадо послушных баранов, книги просто-напросто сжигают.

Выбор авторов не удивляет. Это, в основном, русская и мировая классика, включающая также и программные произведения, которые иногда не до конца правильно воспринимаются в школе (зависит оттого, как учитель преподнесет материал), но потом, в более зрелом возрасте, переосмысливаются: Пушкин, Лермонтов, Чехов, Толстой, Пастернак, Диккенс, Вольтер, Мериме, Мюзе, Хемингуэй, Джеймс Джойс и многие другие.

Иногда, правда, удивляет чисто субъективный выбор произведений. Так, например, у Достоевского советуется почитать «Преступление и наказание» — произведение, в котором рационализм Раскольникова вступает в противоречие с совестью, но где еще герои не приходят к богоискательству, как в «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», что и составляет основополагающую

суть творчества Достоевского. Нельзя судить по «Бездне» о Леониде Андрееве и о Стефане Цвейге по его единственному роману «Нетерпение сердца»: в нем переосмысливается вопрос о жизненном долге человека, но как можно оценить Цвейга, не прочитав его новеллы. Нельзя судить о Ремарке по роману «На западном фронте без перемен», за который писатель получил

Нобелевскую премию. Ремарка, скорее, объясняет «Триумфальная арка», «Черный обелиск», «Три товарища».

Нет в книге Никулина намека на Куприна, Лескова, Успенского. Но автор не ставит перед собой грандиозных задач «объять необъятное». Он пытается рассказать о произведениях, которые составили его личный культурный опыт, вполне достойный, чтобы посоветовать его другим. Этот багаж можно назвать, с одной стороны, традиционным, с другой — данью модным вкусовым течениям интеллигенции конца 20-го, начала 21-го века: от Булгакова до Маркеса, от Гессе до Сэлинджера.

Нередко в статьях делаются выводы, граничащие с обсуждением современных политических метаморфоз, поскольку классика не устареет.

«Переломные моменты истории всегда порождают конфликты между «старыми» людьми и людьми новой формации, людьми ницшеанского толка. Таковыми должны были стать советские люди, но не стали. Случилось обратное: выродилось одно поколение «вшивой» интеллигенции, а за ним пришло другое, с теми же проблемами, с той же абсурдностью существования в советской среде и с теми же способами выживания — цинизмом». (О «Циниках» Анатолия Мариенгофа.)

Есть и то, с чем можно поспорить: «Обломов не хочется винить ни в чем; согласно французской поговорке — он такой, какой он есть. И в этом смысле «обломовщина» — никакое не ругательство, а положение вещей. Древние греки это называли «космосом»».

Несмотря на то, что в список, рекомендуемых к прочтению произведений, вошли сомнительные маркиз де Сад или Джек Керуак с «матом, непристойностью и пошлостью», который, «как бы того не хотели литературные моралисты, не подцензурные вещи, а вполне себе жизненные», с ними тоже можно ознакомиться, в порядке пополнения представления о литературе, тем более что нам не предлагают в обязательном порядке любить этих авторов.

Наталья ЛИХТЕНФЕЛЬД

Владимир Ерошин
«Осень. Дзен вопросов»
 М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Танкетка — такой жанр, что много написать о ней не то что сложно, а — неправильно. Ведь она и сама маленькая — из двух строчек. Наполненных, разумеется, великим смыслом.

Появилась сравнительно недавно, в 2000-е (упоминаю и создателя Алексея Верницкого), и к настоящему моменту обзавелась «отрядом» последователей. Есть и журнальные публикации (от «Ариона» до «Детей Ра»), и антологические (например, в «Жанрах и строфах современной поэзии» Евгения Степанова), и книжные — как у Владимира Ерошина, находящегося в авангарде жанра и выпустившего не так давно второй сборник: «Осень. Дзен вопросов». Книжка-танкетка. Книжка танкеток.

Странная книжка.

Начнешь читать — много не осилишь. Однообразно.

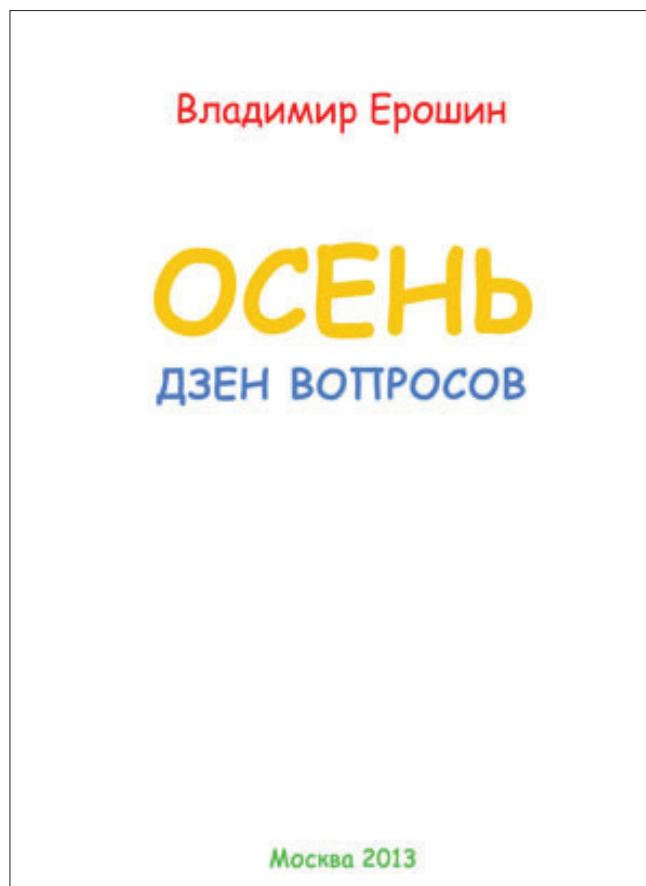
Но если отложить и вернуться позже — вполне. Мысли-то встречаются любопытные, а искусство состоит в том, чтобы уложить их в форму, огранить. Следовательно, в танкетке больше ценится мастерство ремесленника — а в совокупности с остротой ума получаются премилые результаты.

Тут есть и философия:

с галеры
в гондолы

И как будто слышится отдаленный крик: «гон**ны!» — все в созвучиях, и то, что послышалось испорченному мне, другому увидится в личностном, например, росте. То есть раб с галер, так сказать, на заслуженном отдыхе по Венеции на гондоле рассекает — на наши, получается, средства. Так и хочется кое-что созвучное воскликнуть!

Дзен вопросов (а вот вам осенняя русская танкетка: «осень/КДЕЗ вопросов» — актуально!) — идеологическое продолжение дебютной книги автора «Лето. Парк танкеток». Жаль, что автор не добавил во вторую книгу отзывы коллег

по перу — в первой они смотрелись уместно, готова читателей к соприкосновению с жанром. Елена Черникова, например, создала образ автора: «Он выживает из междуковья смысла, как золотые рыбки, и лихо подкручивает им веселые усы». Странно, конечно, подкручивать усы междуковьем, но интонация понятна — в танкетке важна многослойность, ирония же — свойственна автору. Разве можно после «веселых усов»

мрачно читать книгу? Николай Недрин в том же «Лете. Парк танкеток» отмечал: «... в танкетках ЕСТЬ ВСЕ». А маститый критик Кирилл Анкудинов добавлял, что в книге — панорама жанров, и плюсы, и минусы формы, «удачи и ошибки, тупики, лабиринты и горизонты, кризисы и перспективы».

То же самое и в новой книге плодовитого автора. Она даже больше по объему! А цитировать... Можно, но... можно и увлечься — автор в чем-то схож с Вагричем Бахчаняном: феерия юмора и тонкой наблюдательности в отдельных танкетках, но унылая заторможенность и пустота (вспоминаем Анкудинова) в других. Приведем несколько подряд — читатель сам увидит и те, и другие.

клиника
клин клином

шрам неба
молния

тост в третьем
чтении

кролики
ценный грех

Привел несколько и подумал: все мне нравятся. Вот на других страницах есть и бледнее, а тут — веселые усы автора!

В прошлом году, когда я писал рецензию на дебютную книгу Владимира Ерошина («Зинзивер», № 1/2013), я сказал: «танкетка еще не вполне утвердилась на просторах авангардной поэзии, все это допустимо — жанр формируется, танкетки пишутся, и в разнородном разнообразии удается выхватывать отдельные кристаллики. Наиболее удачные — на грани деструкции с конструкцией, каламбура, иронии». Сейчас слова о том, что «жанр формируется» отдают анахронизмом.

Владимир КОРКУНОВ

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг» — www.litlavka.ru.

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства.

Доставка по Москве в течение 1 дня. Тел. для справок: (495) 971-79-25

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ПЕТРОВ Клементина ШИРШОВА

В ЭТОЙ ЖИЗНИ МЫ
КОГДА-НИБУДЬ ВСТРЕТИМСЯ?..

В этой жизни мы когда-нибудь встретимся?
Ты сегодня, наверно, любишь морем
гостеприимным,
я — блуждаю по камню Невы, прожигая жизнь,
и, допив до конца бутылку, представляю
мост, построенный между нами
невидимым архитектором, иди — говорит мне он,
а может, это водка во мне музицирует.
Но вчера, еще трезвый, я рисовал в альбоме
лирическую поэму — как случайно встречаю тебя
возле Московского вокзала (неподалеку
есть одно место — небольшой мостик,
когда мне невыносимо грустно, я сижу под ним
и наблюдаю за поездами и электричками,
в которых люди едут куда-то, едут к кому-то).
И я знаю, что ради нашей дружбы,
мне нужно тебя отпустить, но
не могу, и мы гуляем по тем местам,
где мне хочется побывать только с тобой,
и я рассказываю тебе обо всем на свете,
точнее — о чем ничего не знаю,
просто нам так хорошо вдвоем,
что любая моя наивная выдумка
становится самой правдивой историей..
И мы бы гуляли всю ночь, но
телефонный звонок закрыл мой альбом,
и ты ушла по нашему мосту к берегам
гостеприимного моря, а я, прикупив бутылку —
к своему, наблюдать за поездами

Игорь ГРИГОРОВ

ПРОЩАНИЕ

Ладочки пряча в рукава плаща,
Лишай ветер осени улова,
Ты на прощанье выдохнешь: «Прощай» —
Косым дождем пропитанное слово.

Кивнешь едва заметно головой,
И между нами разольются годы.
Так дерево прощается с листвою,
Даруя ей минутную свободу.

А мне через года приснится вдруг:
Осенний вечер, листья на дорожке,
И будто я пытаюсь на ветру
Согреть в своих руках твои ладошки...

* * *

я подумала о тебе —
отрубился свет,
птицы столкнулись в небе —
и началась гроза.
я подумала о тебе —
вышла из строя техника,
миксер стал биться током,
а фен — дымиться.
я подумала о тебе —
и горшок с цветами,
годы стоявший на полке,
сорвался вниз.
я подумала: все неспроста
движется, как бы ведет к развязке.
и вот однажды
я подумала о тебе:
ты сам предстал предо мной.
это было страшнее всего.
тогда я решила, что больше не буду
о тебе думать...
я подумала о тебе.

Владимир КОРКУНОВ

ДИЛОГИЯ О МУЗЫКЕ

I (Ю.)

Ты стонала громче обычного.
Знала — в соседней комнате
Гагик из Армении.
И его смущение возбуждало сильнее.

Мне казалось, что я делю тебя с ним, но...
Ничего не мог поделать.
Звучала музыка.
Страстная, бесстыдная, яркая.
Классика.

II (С.)

Флейта вздрагивала и разбивалась о стены
подземного перехода.

Как в тот раз,
когда мы шли друг от друга —
к разным станциям.

Разница в одном:
флейта плачет жалобно,
а я был просто жалок.

Алла ЯКУБОВА
НЕНАГЛЯДНЫЙ МОЙ
(ПРОЗА В СТИХАХ)

МЫ

Ты да я, да мы с тобой —
Вот и все дела.
Вечно хочется домой —
Где бы ни была.

И услышав: «Кто пришел?», —
Отвечать: «Не я...».
Хорошо ль, не хорошо —
Из двоих семья?

Дети с их детьми в Москве,
Жизнь у них своя.
Сотворили, поднимали
Вместе — мы да я.

Сероглазый ты один —
Кареглазы все.
Ты в семье, мой господин,
Словно бы извне.

Годы тянутся-летят,
Жар ночей цена.
Где бы молодости взять —
В сердце ль у меня?

Утро дивом удивит —
Целый день для нас!
Мир нисколько не винит
Однолюбов спас...

* * *

Жила-была тетка
По имени Водка,
Та, что в Выхине многих свела на «Не дож...».
Выпивали в общагах,
Во дворах, на площадках,
Было время такое. И пил мой муж.

Что спасти удалось —
Это слава Всевышнему,
Если в смысле терпенья — немного и мне.
Было больно и страшно,
И жалеть так ужасно
В безысходности ливней в окне...

Все прошло-пролетело,
Сердце песен не пело,
Но душа успокоилась вдруг.
Я любовью своею
Тот недуг одолела,
Ты живи, мой сердечный друг!

43...

Скорпион и Ракия —
Вот уж славный дуэт:
Секс-король, не разиня,
Я, немного поэт.

Что-то вроде сложилось —
Свахе что ль доложить?
Дети — да, получилось,
Внуков — да, дождались.

Оба мы книгочеи,
Нам знаком тот уют,
Где щедрот казначеев
Не очень-то ждут.

Не богато, не бедно
Нас вели небеса.
Но тянулись к нам люди —
Вот ведь в чем чудеса.

Говорили — погреться
У большого тепла,
Трудно этак вот спеться, —
Бормотала судьба.

Сорок лет и три года
Мы с тобою в пути —
Доведется ль обоим
Нам с полвека пройти?

Я сыграла б на скрипке,
Изумивши внучат...
Словно слышу постскрипум
Как нам «горько!» кричат.

И той музыки море —
Не снаружи, а в нас
Не сгубило б лишь горе
Всепланетное враз.

* * *

В окна высотного офиса
С видом на область и МКАД
Бьются ветрами вопросы
Много уж лет подряд.

Взглянешь — внизу деревья,
Кроны их стелятся в ряд.
А фонарей ожерелья
Вечеру красят наряд...

Боже мой, знаю, ты рядом —
Вовсе не где-то вддали,
И справедливость деяний
Прошу — утверди, подтверди...

Так — может, думы завышены,
Но, раз поверив в тебя,
Все, что должно быть услышано,
То и сказала я?

И, сохранив дружбе верность,
С памятью чуткой в ладу,
Сутками, тая от нежности
К детям, что ж сплю на ходу?

Много чего в жизни было,
Так ли, не так? — Не понять.
Бьются ветра застылые,
Трудно их вовсе унять...

* * *

Знаю одно: лишь бы вместе с тобой
До конца, ненаглядный мой!

РЕКЛАМА

Более 200 тыс. наименований книг
Электронные книги и ридеры
Антиквариат и предметы
коллекционирования
**Подарочные
карты**
Канцелярские и офисные товары

Услуги по формированию
библиотек и коллекций
Фильмы, музыка, игры, софт
Интернет-магазин
www.bgshop.ru
Корпоративные подарки
Подарочная упаковка

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Детский клуб «Библиоша»

Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1 (495) 781-19-00
www.biblio-globus.ru

НАЗОВИ ПАРОЛЬ «Библио-Глобус» - Ваш главный книжный» (зал №6, стойка информации) и получи клубную (дисконтную) карту

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Андрей Баранов
«Невыразимое»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Купюры времени, которые использует Андрей Баранов, приводят к ускоренной съемке жизни. Один и тот же человек приходит домой — юным, молодым, зрелым и стариком. Конечно, в этом есть своего рода провокация — неужели больше в его жизни ничего интересного не происходило? Человек несколько раз входит в одну и ту же речку, возвращается на круги своя. И такое видение, промежуточно-прерывистое, озадачивает и пугает героя. «А был ли мальчик?» — звучит в ушах незадачный вопрос. Но все блудные дети возвращаются в свой дом, даже если родителей в нем уже нет. Однако можно смонтировать фильм о жизни героя и по-другому, и это, возможно, добавит смысла самой жизни.

В отличие от Герберта Уэллса и Андрея Макаревича, придумавших машину времени, Андрей Баранов придумал «телевизор времени». Он работает подобно эльфийским зеркалам Толкиена: дает картинки своего прошлого и будущего. И уже непонятно, где дед, а где внук. Подозреваю, в алгоритме Андрея Баранова это одно и то же лицо. Мы видим, что поэт находит чудесное в обыденных предметах нашего быта. Это своего рода «поэзия постромантизма», и, конечно, девушки, мечтающие о принцах на белом коне и молочных реках с кисельными берегами, читать такие стихи не станут. Однако надсонов и асадовых, обслуживающих интересы партии «возвышающего обмана», — пруд пруди, а Андрей Баранов — со своей «непопулярной» философией одинок.

КРУГОВОРОТ СУДЕБ В ПРИРОДЕ

В своей бескомпромиссной и безапелляционной вселенной Андрей Баранов, тем не менее, оставляет место некоему потерянному раю — детству. Потерянным раем поэта правит мальчишка-бог, юный двойник героя. Я думаю, что Андрею Баранову удалось отразить в своих стихотворениях как гармонический, так и дисгармонический миры.

МОИ ДРУЗЬЯ

Мои друзья, от берега отчалив,
плывут по небу в полной тишине.
Их скорбный путь торжественно-печален,
мои друзья не помнят обо мне.
А я их помню, долгу буду помнить,
пока однажды, сбросив жизни кладь,
не убегу из пыльных, душных комнат
их высоко летящих догонять.

Я думаю, что поэтический мир Андрея Баранова напрямую зависит от того, надел ли он волшебные изумрудные очки Гудвина, или же забыл их надеть. В зависимости от этого, стиль поэта разрывается между романтизмом и пост-романтизмом. Волшебные очки помогают герою произведений Баранова избавиться от всепоглощающего страха глобальной энтропии, бессмысленности всех жизненных усилий. Поэтому достигнутая при «волшебных очках» внутренняя гармония часто сменяется у поэта дисгармонией. При этом «дисгармонические» стихи, с точки зрения философии, бывают намного интереснее, поскольку в них присутствует ничем не прикрытая правда.

НЕ КОРМИТЕ МЕНЯ...

Не кормите меня в день рождения сладкими тортами,
не поите вином, ведь известно мне наверняка,
что мы все из живых постепенно становимся мертвыми,
и уходит душа из застывшего известняка.

Отмирают пластом и ложатся на дно аммониты,
остывает вулкан, превращается в камень коралл.
Эту страшную вещь — энтропию — поди обмани ты!
Я б тому молодцу много слов бы хороших сказал.

Андрей Баранов**НЕВЫРАЗИМОЕ**

Нет, порядок вещей никому никогда не нарушить.
Так откуда, скажи, из какой ослепительной мглы
все идут и идут караванами новые души
и проходят сквозь мир, как верблюды сквозь ушко иглы?

Исход — неизбежен. Но загадкой для поэта остается приход — откуда и зачем являются в мир все новые и новые души? Природа беспрестанно воспроизводит саму себя и, как почетный стахановец, не знает усталости в деле регенерации.

ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА!

Горит над городом звезда,
подмигивая мне.
Она одна, совсем одна
в холодной вышине.
Она светила надо мной,
когда, еще щенок,
я рвался с мельницами в бой,
но победить не смог.
Она нашептывала сон
о славе и любви,
и я сиянием поражен
лучи ее ловил.
С тех пор прошло немало лет,
унылых долгих лет.
Я понял: звезд на небе нет,
и неба тоже нет.
Есть только бесконечно нудный
серый-серый день,
где кровь высасывает труд,
а душу душит лень,
где мы усталые бредем,
не думая о ней,
где по ночам светло, как днем,
от городских огней.
В какой-то день, какой-то год
пришла в мой дом беда.
Я поднял голову — и вот
горит моя звезда!
Она ждала меня как верный
друг десятки лет.
И вот теперь из дальних сфер
мне шлет волшебный свет.
И я не верю, что она —

всего лишь шар огня.
Она ведь смотрит на меня.
Так смотрит на меня!

Мы видим, что оптимизм и пессимизм, как часовые, в зависимости от состояния души, сменяют друг друга в сердце поэта. Это и настроенческие изменения, и временные, составляющие синусоиду жизни. Чем дольше живешь, тем явственней победа пессимизма, а оптимистические нотки становятся несчастным вкраплением в этот строгий и бескомпромиссный мир. Зачем лгать самому себе? Поэт предпочел «низкие истины» «нас возвышающему обману». И это, без сомнения, был героический выбор.

РЫБА-ДУША

Перелеты гусиных стай,
запах яблок, да свист метели —
я люблю этот дикий край,
мне дарованный с колыбели.
За подарок плачу с лихвой
самой полной стократной мерой:
непутевой своей судьбой,
схороненной под сердцем верой.
Я в политику не стремлюсь —
не люблю, когда врут друг другу.
Белокрылая птица-грусть
надо мною парит повсюду.
Я однажды уйду — и все!
Не ищите в листьях поминных!
Позолоченным карасем
поплыву в небесах былинных.
И однажды опять, как встарь,
мою теплую рыбу-душу,
кинув невод, старик-рыбарь
из глубин извлечет на сушу.

Но поэзия в стихах Андрея Баранова «побеждает» философию! Сколько величия в описании ухода человека на небо! И — помните удивление поэта от миллионов приходящих в этот мир? Я думаю, в глубине души Андрей Баранов верит в реинкарнацию, когда «старик-рыбарь из глубин извлечет на сушу» душу поэта. Интересно, что в чисто индуистской философии вторым пластом идет христианская поэзия «ловцов душ человеческих».

ЕСЛИ ЕЩЕ ЖИВЕМ

Только не делайте вида, что вас это не касается.
Вы же прекрасно знаете — это касается вас.
Это кошачьей лапой к вам по ночам прикасается,
смотрит вороньим оком в ваш приоткрытый глаз.
Можете отмахнуться и отвернуться к стенке,
можете пить запоем или курить гашиш —
это сидит на кухне и, обхватив колени,
смотрит невидящим взглядом прямо в ночную тишь.
Это — височной болью, это — мерцанием в сердце,
это — звонком из детства, теплым грибным дождем,
это — все время с нами, и никуда не деться,
если еще живем.

Страх затаился везде. И в борьбе с ним есть только одно верное средство — вера. «Sola fide!», как говаривал один великий немец. — Sola fide!

Книгу Андрея Баранова «Невыразимое» проиллюстрировала небезызвестная в поэтических кругах художница Елена Краснощекова. Символистическая загадочность обложки была продолжена графическими иллюстрациями к отдельным стихотворениям поэта. Безусловно, Елена Краснощекова выбрала наиболее родственные по душевному состоянию стихи. «Что мне понравилось в творчестве Андрея, — говорит Елена Краснощекова, — когда я читаю его поэзию, в голове то и дело возникают картинки. Это стихи человека, которому не чуждо восприятие художника, в узком, прикладном значении этого слова. Мне было интересно соприкасаться с его космосом».

Александр КАРПЕНКО

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Ирина АСОЯНЦ

* * *

Дочке

...Как оберег над берегами,
Собой пределы осени —
Закат с багровыми губами —
Всхлип обескровленного дня...
...В прощальном поединке — сила
Всех ожиданий и истом...
(Чем ни отечество — Едом?..) —

— ...Кого ночь только ни косила!
Кого во чреве ни носила...
Над кем ни шла — ни моросила...
А погубив — ни возносила?!...
...Но ночь... исполнится — потом...
А жертва-день забыт и тщетен
Уже теперь... ..И только лес
И настоящ, и разноцветен
На фоне пурпура небес...

15 октября 2013, Торонто

Мария ИВАНЮШИНА

* * *

Твой генерал не свеж, не юн
Он сотрясает воздух — и не из тех
Что серенады под окнами поют
Булыжником на душу тяжкий грех
Он раздевает безымянный свой
на правой

И прячет, как ефрейтор бравый,
И без поправок. Пульс
учащается

А ты себя налево-право
Скажи ему — прощай
Жене и детям — браво!
«Ровесница старшей дочки» —
Чужие люди напоют.
Нахлынут горлом строчки,
Нахлынут и убьют,
Перевернулся Пастернак

И молча занавес поправил.
Как будто в жизни будет так,
Где нет табу, запретов, правил.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Александр Файн
«Так это было»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Новая книга рассказов Александра Файна «Так это было» выпущена московским издательством «Вест-Консалтинг» тиражом всего в 1000 экземпляров, что, впрочем, уже не удивляет, поскольку в последнее время наметилась некая тенденция сокращения тиражей «умных» книжек (о переиздании классиков, конечно, речь не идет).

В авторах предисловий и послесловий к книге числятся министр культуры России Владимир Мединский, писатели Виктор Ерофеев и Эдуард Просецкий, критик Владимир Коркунов. Как видим, компания собралась весьма серьезная и уважаемая.

Если говорить об основной теме объединяющей почти все рассказы сборника, то, пожалуй, это желание героев поступать правильно. Правда, правильно, со своей точки зрения. Но правильность поступков героев может не всегда оказаться правильной по отношению к окружающим их людям.

Правильность поступков одних вызывает уважение, сочувствие, понимание: генерал, решивший остаться вдовцом до конца дней («Дуська-Евдокия»); Нина, «освободившая и обеспечившая» добровольным уходом из жизни, как ей кажется, счастье дочери («Не оступись, доченька»); Николай, наконец-то решившийся на отношения с женщиной («Решение»). Но иногда желание поступать правильно обретает не совсем приемлемую форму: экс-артист балета Рафаэль, лишившийся карьерного роста из-за отказа «стучать» на коллег, становится, по сути, кляузником, хотя толкает его на этот шаг как раз несправедливое действие местной милиции.

Рассказы-ретроспекции, рассказы-ситуации, в которых оказываются герои, раскрывая свои человеческие качества. Ситуации, описанные в книге Файна, отсылают нас к событиям века минувшего, порой они перекликаются с «Колымскими рассказами» Шаламова, где-то прослеживаются зощенковские и шукшинские интонации.

Вполне вероятно, что отчасти в некоторых рассказах присутствуют и некоторые автобиографические моменты.

Незримое присутствие автора, его тонкая, почти неуловимая связь с героями и, в то же время, отстраненность, непредвзятость в изложении дают возможность читателю попробовать разобраться в ситуации в силу своего жизненного опыта.

Автор не дает оценок действиям своих персонажей, он скорее как оператор, фиксирующий на киноплёнке события, прокручивает их перед нами. Нет правых и нет виноватых.

Каждый делает или сделал свой выбор, выбор, который в момент принятия считает единственно верным.

Искусанный читатель наверняка отметит скрупулезность автора в деталях, особенно касающихся исторических имен, событий и дат. Иногда исторические справки, например, история возникновения Перми и балетного училища («На пенсии») несколько диссонируют с общей мелодикой рассказа. Маловероятно, что симпатичные друг другу мужчина и женщина («Решение»), флиртуя, будут рассуждать о музыке как два музыкальных критика или музыковеда.

Несколько «резануло» обилие блатного жаргона в небольшом фрагменте «Не оступись, доченька». Вполне понятно, что автор таким образом старается воссоздать аутентичность лагерного разговора, ведь «...без блатных словечек не останется ни один человек мужского или женского пола, заключенный или вольный, побывавший на Колыме. Слова эти — отравка, яд, влетающий в душу человека, и именно с овладения блатным диалектом и начинается сближение фраера с блатным миром», писал В. Шаламов, возможно потому и редко использовавший блатной жаргон.

Иногда именно скрупулезность вызывает некоторое недоумение, как, например, огромное количество ссылок. Зачастую эти ссылки не всегда кажутся обоснованными, поскольку из контекста понятно, о чем идет речь. Предполагается, что книга рассчитана на читателя думающего, обладающего определенным тезаурусом и фоновыми знаниями. Весьма сомнительно, что эти рассказы привлекут любителей «легкого чтения».

К тому же сквозная нумерация сносок к каждому рассказу, часто присущая журнальным публикациям, несколько затрудняет работу с текстом, приходится не просто обращаться к приложению в конце книги, что в данном варианте было бы вполне логично, а искать конец рассказа. Постраничные сноски все же более удобны для читателя, ибо позволяют сразу, без перелистываний увидеть описание важного источника в нужном содержательном контексте. Впрочем, вопрос оформления ссылок, наверное, скорее относится к компетенции редакции.

Светлана ТЕНЕТКО

Вячеслав Моисеев
«Репетиция Апокалипсиса»

М.: «Вест-Консалтинг», 2012

«В момент взрыва атомной бомбы 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне мощное световое излучение испепелило и превратило в пыль все, что находилось на поверхности земли в эпицентре, в том числе верхний слой самой почвы... спустя несколько секунд после взрыва образовался атомный гриб. По свидетельству военных историков, максимальная высота этого гриба составила 12 километров, ширина — шесть. Через 15–20 минут после ядерного взрыва ножка гриба отделилась от шляпки. Оседая на землю, остатки облака и пылевого столба перемещались на восток».

Так описывает автор книги «Репетиция Апокалипсиса» Вячеслав Моисеев взрыв атомной бомбы, который произошел в ходе военных испытаний на полпути между Куйбышевым (Самарой) и Чкаловым (с 1957 года — вновь Оренбургом), примерно в двухстах километрах от одного и от другого города.

Второе, дополненное издание этой документальной повести оренбургского журналиста и главного редактора газеты «Оренбургская неделя», вышедшее в издательстве «Вест-Консалтинг» при поддержке Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей и ОАО «Оренбургская теплоэнергетическая компания» — результат более, чем двадцатилетней исследовательской работы о Тоцких атомных учениях 1954 года, «самой большой тайне Оренбуржья». Только с отменной цензурой в СССР у автора появилась возможность публиковать статьи по этой очень важной теме. Цензуру отменили давно, но много ли мы знаем о закрытых материалах, касающихся ядерных испытаний, проводившихся на территории бывшего СССР и проводимых в теперешней России? Что и где можно найти и прочитать об этом? Пару страниц в Интернете?

Даже найти информацию о «мирном» атоме, о котором много говорят на различных экологических конференциях, но который на самом деле таковым не является, включая отнюдь не безобидные для населения подземные взрывы, не всегда легко. Об этом пишет член-корреспондент Российской академии наук А. В. Яблоков в статье «Ядерная мифология в конце 20-го века».

До сих пор не открыты засекреченные архивы по вопросу, какая атомная бомба (а это была не подземная, а наземная бомба!) была взорвана 14 сентября 1954 года между Самарой и Оренбургом — плутоний ли это был или уран?

«Ведь если загрязнение радиоактивным стронцием или цезием через несколько десятилетий существенно падает (период полураспада — десятки лет), — пишет А. В. Яблоков, — то загрязнение плутонием это практически навечно (период полураспада плутония — 239 двадцать четыре тысячи лет)». Об этом же, «пробиваясь к правде», — говорит Вячеслав Моисеев, детально изучая

события, оправданные с точки зрения холодной войны и противостояния государств, с точки зрения военной обороны по выработке методики защиты в ходе ядерного конфликта, и совершенно преступные против своего же народа и будущих поколений россиян.

Опрашивая свидетелей — не только военных участников события, но и мирных очевидцев, ставших невинными жертвами атомной бомбардировки, жителей близлежащих деревень, стертых с лица земли, автор книги задается вопросом, почему же именно эта густонаселенная людьми местность была выбрана для проведения такого жестокого эксперимента.

Один из свидетелей взрыва, объясняет Моисеев, — бывший председатель Тоцкого райисполкома и ныне уже покойный Фёдор Илларионович Колесов простым языком крестьянина смог предположить, почему выбор, согласованный на правительственном уровне, пал на Тоцкий полигон.

По его словам, военные, у которых он об этом спрашивал, ответили: «Нам надо знать, как здесь будет, тут такой же изгиб земли, как в Германии. И населено так же...».

«Действительно, — продолжает автор, — с 1946 года и до самого исчезновения СССР с карты мира именно Германия — ФРГ и ГДР — считалась стратегиями НАТО и Варшавского договора наиболее вероятным театром военных действий Третьей мировой войны. И без ядерного оружия ее сражений не представлял никто».

Заслуга автора этой героической и тематически редкой книги не только в том, что он «разоблачает» преступления прошлого — это стало возможным с развалом Советского Союза и послаблением цензуры, не в обнародовании статистики, сколько тысяч «атомных солдат» и мирных жителей, зараженных радиоактивным излучением, умерло за эти годы от заболевания раком, сколько ушло молодых и здоровых. Его заслуга в том, что, говоря об этом с горечью человека и журналиста, обеспокоенного прошлым, настоящим и будущим, он кричит о сегодняшнем дне, о своих земляках, над которыми провели антигуманное действие и, практически, предоставили самим себе, забыли, не выделяя деньги на реабилитацию области в связи с «несысковкой задачей и возможностей бывших и нынешних ведомств — Минздрава, Минприроды, Государственного комитета санэпиднадзора, Госатомнадзора» и т. д.

А ведь последствия этого события (почему-то вспоминается постапокалиптическая утопия Татьяны Толстой «Кысь»), с которого до сих пор еще не сняли гриф секретности, растянутся на поколения, точно так же, как и в районе Семипалатинска — ядерного полигона, просуществовавшего в СССР

с 1944 по 1989 годы, на котором «было взорвано не менее 616 ядерных и термоядерных устройств, в том числе 30 наземных ядерных взрывов и не менее 86 воздушных».

В докладе, сделанном на Конференции государств по нераспространению ядерного оружия в Нью-Йорке (ООН, 3 мая 2000 г.), говорилось о том, что «даже слабое облучение эмбриона в период 5–15 недель беременности может нарушить нормальное развитие головного мозга и повлиять на развитие умственных способностей». Приводятся устрашающие цифры и «поражающие воображение расчеты»,

которые находят «косвенные подтверждения». Демографические прогнозы середины 20-го века сообщали о том, что к началу 21-го века численность населения человечества должна достичь 8 миллиардов. В настоящий момент — нас только немного больше 6.

Поднимая в книге вопросы Тоцкого события, Моисеев привлекает тем самым внимание к общемировой и, в частности, к общероссийской проблеме ядерных испытаний, к проблеме жизни мирного населения в условиях практического истребления российских граждан радиоактивным заражением — без сомнения, в целях обороны, но еще без войны.

Кто знает, например, о том, что 19 сентября 1971 года всего в 300 километрах от Москвы, в Ивановской области, в результате ядерного испытания прогремел «мирный» взрыв, под кодовым названием «ГЛОБУС-1», о чем сообщает Александр Железняков на сайте «Космический мир». Этот взрыв был аварийный. Но что изменилось в мире, что ожидает всех нас завтра, какое испытание придумают на нашу голову, открыв, например, приказом сверху урановые («мирные») разработки недалеке от какого-нибудь густонаселенного города. Кто сможет вам ответить на этот вопрос?

Наталья ЛИХТЕНФЕЛЬД

ПОЛОСА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Летние киновпечатления

Марина ЛЕВИНА

ДОКУМЕНТАЛИСТИКА В ТРЕНДЕ

При наличии портативных камер снять документальное кино может практически каждый, для этого не нужна команда. Но только профессионалы знают, как непросто найти драматургическое решение фильма. Выйдя за рамки тоскливого науч-попа, документальное кино обрело новые формы — которые суть хорошо забытые старые. Метод привычной камеры, впервые использованный Дзигой Вертовым, позволяет стать незаметным для героя, показать ту подлинность жизни, которая не имеет ничего общего с обычным видеинтервью. «Говорящие головы» порядком надоели зрителю, и, тем не менее, до сих пор эти способы тиражируются в теледокументалистике.

Как в Европе, Америке, так и в России, есть традиционный путь получения грантов на реализацию проектов. Например, в России — это дотации от Министерства Культуры, а у зарубежных коллег — различные культурные фонды. Правда, автор попадает в довольно узкие тематические рамки, ограниченные сроком производства фильма, все это мешает свободе творчества и выбора. А если главного героя нужно снимать в течение нескольких лет? Тогда лучше работать самостоятельно.

«Мастерская документального кино» Марины Разбежкиной и Михаила Угарова, единственная в своем роде, учит своих студентов как раз этому — независимости и автономности. Студент школы — автор картины, начиная от написания сценария и заканчивая монтажом. В школе изучают 13 предметов, в том числе и предмет, которого нет ни в одной российской киношколе — ритм-форма. Если ваш фильм не имеет ритма, любой киноязык бесполезен. Еще одна из опасностей — не попасть во время, и находясь в нашей реальности, снимать в формате 20-летней давности. Начиная с 90-х годов, жизнь в России стремительно менялась, менялись люди и, вместе с этим, язык документального кино.

И все-таки главным вопросом, еще на уровне идеи, остается выбор главного героя. Кто же он? Герой документального кино почти никогда не совпадает с пафосным пониманием «героя» в жизни. Зачастую самые обычные люди на съемках настолько артистичны и раскованы, что их истории пробирают до мурашек.

Изучение горизонтальной плоскости человеческой жизни, чем всегда пренебрегал советский формат, — одна из главных возможностей документалистики. Рассказать о «маленьком мире» конкретного человека, парадоксальном или грубом, асоциальном — каком угодно, но каждый раз особенно и пронзительно.

Новый ТВ-канал 24_Doc с одноименной интернет-версией демонстрирует круглосуточный показ наиболее ярких фильмов последнего десятилетия, удостоенных международных призов. Лента «100 лет в фотографиях» режиссера Тамар Таля, снятая в Израиле и Германии, рассказывает о 96-летней Мириам Вайссенштайн. Вместе с внуком Беном они продолжают дело ее мужа Руди — известного фотографа, на снимках которого — вся история государства Израиль. В июне 2013 года Центр документального кино DOC при поддержке агентства РИА Новости открыл первый в России кинотеатр неигрового кино. Каждый показ — это полный зал и активная дискуссия между авторами фильма, приглашенными гостями и зрителями.

Британский актер и режиссер Джереми Гилли в марте 2013 года привез свой фильм «День, когда наступил мир», удивительную историю борьбы одного человека за один единственный в мире день без войны. Фильм снимался 10 лет, именно столько Джереми боролся за то, чтобы День Мира перестал быть формальной датой на бумаге и превратился в день прекращения военных действий.

22 мая прошел открытый показ фильма Елены Погребижской «Мама, я убью тебя» о детях-сиротах Кольчевского интерната, регулярно проходящих «лечение» в целях профилактики в психушке, лечение препаратом, запрещенным во множестве цивилизованных стран.

Но, к сожалению, о продюсировании российского неигрового формата пока говорить рано. Есть популярный интернет-портал сбора средств на свои проекты (boomstarter.ru), когда авторы представляют трейлер и режиссерскую заявку. При использовании соцсетей идет масштабная реклама, — так молодые режиссеры могут снимать кино.

Это не только фестивальное кино. Все больше зрителей обитает в камерных пространствах небольших клубов, летом — на открытых площадках. Например, в летнем «Пионере» в Парке Горького в конце мая шел показ документального фильма «Чувственная математика» Екатерины Еременко. Кинофабрика с Музеем Кино, клуб «Документальная среда», «Платформа», центры современного искусства «Гараж» и «Винзавод», залы в библиотеках и культурных центрах — на всех этих площадках есть неигровой формат, что говорит о большой востребованности жанра.

Франко-немецкий канал ARTE является крупнейшим заказчиком документального кино в Европе. Хотите снять кино для ARTE? Тогда вам нужно найти хорошего европейско-

го продюсера, который представит ваш проект. После заключения договора вы сможете снимать кино практически в любой точке мира.

«Работа в документальном кино для меня — возможность встретиться с разными людьми, увидеть новые места и потом рассказать об этом зрителю. Я — наблюдатель, и люблю пить кофе, когда мой оператор снимает общий план», — Александр Долгорукий, режиссер документального кино, Париж, Франция.

«Я против профессионализации искусства. Я бы предпочла быть дилетантом. Если ты знаешь, как все правильно сделать, становится неинтересно», — Марина Разбежкина, сценарист, режиссер-документалист, Москва.

Мне поступило предложение съездить на фестиваль документального кино Sunny Side of the Doc, который 24–28 июня проходил в приморском городке Ла Рошель, во Франции. Это чисто профессиональная тусовка, где среди экспонентов — ведущие телеканалы и продюсерские компании Франции, Германии и других европейских стран, последние годы обязательно присутствуют Китай, Корея и Япония. Наибольший сегмент занимали ARTE, телеканалы PLANETE+, CANAL+, Francetelevisions, INA, DOCU CHINA и другие. Всего же в этом году были зарегистрированы участники из 61 страны, и, кстати, посещение этого мероприятия стоит 65 евро для авторов, режиссеров, кто входит в действующую базу данных, а для рядовых участников удовольствие обойдется порядка 400 евро.

Строго говоря, это и не фестиваль вовсе — призовые места не присуждаются, здесь покупают и продают документальное кино. Все это на солнечном атлантическом побережье с французской кухней, вином и музыкой, которая будто бы звучит за кадром.

Все выглядит несколько непривычно для российского зрителя, в представлении которого документалистика — это что-то малобюджетное, не особо популярное, архаичное и занимающее положение младшего брата, некоего Ивана-дурака, нашедшего Царевну-лягушку, в то время как старшие братья-блокбастеры занимаются настоящим делом.

Тем не менее, документалистика в тренде, интерес к этому жанру возрастает год от года. И стоит сказать, что о России, на самом деле, там мало что известно: Ленин, Сталин, Путин, Булгаков, Солженицын, Ходорковский и Pussy Riot. Так что нам есть о чем рассказать.

В Южной Корее (Небесной) во дворце Спустившееся Небо состоялось торжественное вручение престижной международной литературной премии Манхэ члену Союза литераторов России поэту и философу Константину Кедрову. Этой премией были награждены четыре будущих нобелевских лауреата: Далай Лама Тибета, епископ Мандела, китайский писатель Ма-Юнь, экс-президент Республики Корея. Константин Кедров стал первым европейцем и первым русским, получившим эту престижную награду.

Константин КЕДРОВ

* * *

Я видел Пушкина в Лицее
 Был жизнерадостен и весел
 Но царь друзей его повесил
 На этом кончились рацы

19 октября 2013

Вручение
 Константину Кедрову
 премии Манхэ

Алла Шкаровская — поэтесса, прозаик, автор поэтических сборников «Дыхание любви», «Птица счастья», сборника рассказов «I love you» и книги стихов и прозы «У моря, у синего моря», член Союза литераторов России. Лауреат литературных конкурсов и премий: «Мой мир — моя Вселенная», «Разорванный круг», «Серебряный фрегат» и премии имени новороссийского поэта Павла Голымбиевского. Родилась А. Шкаровская в Хабаровске, в Комсомольске-на-Амуре окончила строительный техникум, а в Санкт-Петербурге — Академию психологии, предпринимательства и менеджмента. Основная специальность — психо-

Алла ШКАРОВСКАЯ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ В НОВОРОССИЙСК

лог. В настоящее время живет и работает в г. Новороссийске.

* * *

Утро голубую скатерть расстелило
 И к себе на завтрак в гости пригласило.
 И глазуней солнечной щедро угощало,
 И коктейль из радуги сладкий подавало.

И кувшин наполнило — густо, до краев —
 Свежими сливками взбитых облаков.

И бокал игристого пенного прибора
 За здоровье радостно выпило со мною.

* * *

На бескрайнем голубом просторе
 Ветерок рябит морскую гладь.
 Раскрывает ласковое море
 Перед нами нотную тетрадь.

С вышины, оставив все заботы,
 Протянуло солнышко лучи.
 И плывут нырки, как будто ноты.
 Лебеди — скрипичные ключи.

Заплетают водоросли косы,
 И поет в лазуревой дали

Звонких чаек хор многоголосый
 О весне, о мире и любви.

* * *

Проводив беззаботное лето,
 Возле речки, присев на траву,
 Осень в воду роняет монеты —
 С пожелтевших деревьев листву.

Паутинки на солнце сверкают
 Серебристыми каплями слез.
 Ветер с нежною грустью ласкает
 Поревевшие пряди берез.

Торопясь, облака проплывают,
 Исчезая в лазурной дали.
 Вслед за ними крылатою стаей
 Вереницей спешат журавли.

В переливах осеннего света
 Нитью бус обернулись на миг,
 И вдгонку ушедшему лету
 Их прощальный доносится крик.

ПОЛОСА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Александра МИРОНОВА

Графика автора

МУЗЫКА ПЕТЕРБУРГА

Опечаленный, влажный и длинный,
Петербург распластался на камне,
И проспекты железными клиньями
В переулки врезаются пламенно.

Твердый шаг колоннады собора
Налагает печати времени;
То не площади римской узоры —
То молчанье Египта в стремени.

Летний сад белокаменной вазой
Вырастает средь хвороста улиц,
Вздохи грустной, волнующей фразы
В перелески ограды влюбятся.

Отраженья мостов будоражат
Нерушимый покой каналов,
Переливы флейты коллажем
Украшают раздумья причалов.

Бесконечные линии судеб
Собираются в шпиль колокольни,
Дождевыми потоками люди
Омывают град своевольный.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
РОМАН

Не пойму, почему
Так угрюма душа
И корябят слезы глаза, —
Может быть, потому,
Что я к радуге шла,
А меня поджидала гроза.

Отворила я клапан
Эмоций немых,
За бесценнок их в письма вливая,
Но попала я в залпы
Объятий слепых
И сама себе стала чужая.

И в отместку за то
Меня сон невзлюбил,
Уступив силуэту в костюме;
Но зачем мне авто,
Если образ не мил,
А в беседе — вязкость изюма?..

Выползаю из тины
На берег родной,

Разрубая липкие путы;
Возродится из глины
Мой облик былой,
Я опять терпеливый путник.

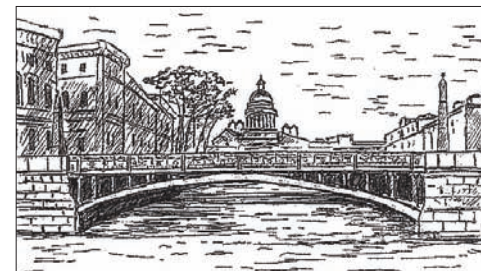
* * *

Я мыслями водила по руке,
Казавшейся такой родной и нежной,
Но мы сошлись в разлатом тупике
И в одиночестве небрежном.

Как неприметно наш порыв остыл
И растворилась накипь оболщенья!
Не укрепились шаткие мосты,
Наскучили ночные бденья.

Мы утомились от чужих ролей,
Играя то загадку, то комету;
Звучали откровения больней,
И чувства уползали в клетку.

Давай вернемся к дружеской волне,
Не будем прятаться за маски.
Я отхожу в свободной тишине
Без прежней тягостной опаски.

Владимир КОРКУНОВ
СТРАНИЦА ДНЕВНИКА. ОБЩАГАГрафика
Натальи Пахомовой

Впервые приехал в эту общагу не к тебе и не ради тебя. Как и в первый раз — пьяным днем осени 2006-го, я же тогда заявился в комнату Любки, еле держась на ногах, но это было шампанское, а ему свойственно испаряться без следа, и когда мы расставались — почти не познакомившись, ты была серой мышкой; это Настя перетягивала на себя канатик внимания, — так вот, когда мы расставались, я уже был почти трезв...

Летний вечер в Твери — что-то особенное. Он смешивается с воспоминаниями и дарит надежду, хотя, казалось бы, летом между нами уже ничего и не было — я себе напридумывал черт-те что и тянул тебя в это болото фантазий, но это тогда, а сегодня вечер Твери особенно чист. Я выхожу из общаги через черный вход, минуя мусорку и какое-то строение, на боковине которого — признания в любви, малопонятные граффити — следы студенческой жизни, не вместились в творческую душу (а это общага студентов филфака)...

Невольно — я и правда не хотел, стараюсь глушить воспоминания о тебе, знаешь, как сказала одна теннисистка: дайте лопатой по лбу, если я... — для меня это «если» — воспоминания о тебе. И я вспоминаю. Все приезды сюда, приходы, часы ожиданий и свиданий, даже ночи, хотя сейчас это скорее воспримут в определенном «смысле», а мой товарищ из Симферополя, Платон, прочитав о нашем свидании, сказал, что это встреча ангела и херувима — с легким сарказмом, хотя это действительно было так. Ты для меня была ангелом или херувимом — и херувимом, и ангелом, чем-то нереальным — а мы общались тогда смс-ками, — волшебными и воздушными.

Я не мог любить этого ангела, потому что слово «любовь» по отношению к ангелу — пошло, грубо и низменно. Я лелеял мысли о тебе, возносил их к самым чистым и нетронутым (а многие были тро-

нуты — разными людьми) уголкам души, хранил и берег твои слова, эмоции, интонации, переданные через смс. (Хранил в телефоне и берег чуть выше и левее сердца.) Пусть говорят, что в сообщении теряется автор — ни черта подобного! — в самых простых словах может скрывается чувство и интонация. (Какая интересно интонация и какие чувства в этих записках?)

Это была третья встреча, а вторая — чуть раньше, в корпусе филфака, я еще фотографировал тебя для «Студенческого меридиана», и твои стихи напечатали, только без фотографии — я никогда не умел держать фотоаппарат в руках, хотя после, где-то в марте, я глядел на твою фотографию, сделанную тогда (какая ирония — на фотографии мы еще не стали близкими друг другу людьми, а в марте — уже не были), и странная дрожь пробежала по мне, я ловил ее, охранял, произносил твоё имя чуть медленнее, ласкающе: «***», и дрожь, только что сорвавшаяся с рук, вновь прыгала на них и царапала, царапала — выше и левее сердца.

(Ты и не знаешь, что я пишу это тебе, только тебе и никому кроме тебя, и мне страшно, что ты никогда не прочтешь этих строк, ну — можешь не прочесть, — так немного спокойнее; будут читать другие люди, и они должны понять главное: это ты — хорошая, это ты приняла меня таким, и ушла, когда стало невыносимо — мне самому было невыносимо рядом с собой, но тогда я ничего не мог сделать; так вот, я хочу, чтобы каждый, кто читает эти строки, хоть немного, но полюбил тебя, чтобы каждый хоть на секунду представил, что ты когда-нибудь прочтешь это — чтобы ты в эти мгновения ощутила что-то, соединенное из теплоты, сочувствия и соучастия — запоздалая сказка, может быть, та, о которой ты просила меня, но я смог сыграть только «Кота в сапогах».)

Третья встреча была тем самым «Свиданием» — ангело-херувим-

ским; четвертая, когда я приехал позже твоего дня рождения, чтобы не делить отмеренное нам время с гостями — в конце января; тогда еще по телевизору постоянно крутилась реклама конфет «Коркунов», ты мне рассказала об этом и добавила, что иногда думаешь обо мне.

Я не хочу говорить об этой встрече — сейчас не хочу — потому что очень скоро все пошло не так.

Вечером следующего дня ты написала: «Радуюсь твоему счастью», через день назвала волшебником — от меня пришло сообщение в ту минуту, когда ты набирала свое — для меня. А еще через пару дней все рухнуло — крыло бабочки царапнуло, трещина пролегла между нами; любовь распалась по буквам — а я уверен, что она была, на Библии, на плахе поклянусь, и если это не любовь, я ничего не понимаю в жизни; перья этой любви опали последним сообщением: «Но я рада, что где-то есть человек, которого я очень Лю». Видишь, через годы я помню твои сообщения, а вот еще одно, когда я спросил: «Как твоё утро?» — «Замечательное. Иду на занятия. В ушах плеер, в телефоне твои смс». Я после написал стихи (не об этом утре, а позже, когда я из апреля отправил почти безнадежное, про удивительный кимрский закат и прохладу набережной, ты тоже тогда была в наушниках плеера): «Идешь в прострации, и плеер мурчит негромко мыслям в такт. Моим словам не нужно верить — они сорвались просто так». Это ведь я себя убеждал, что все было несерьезно, а все было серьезнее некуда. Серьезно и бездарно, бездарно и серьезно. И телефонное солнышко загнулось в молчащем телефоне.

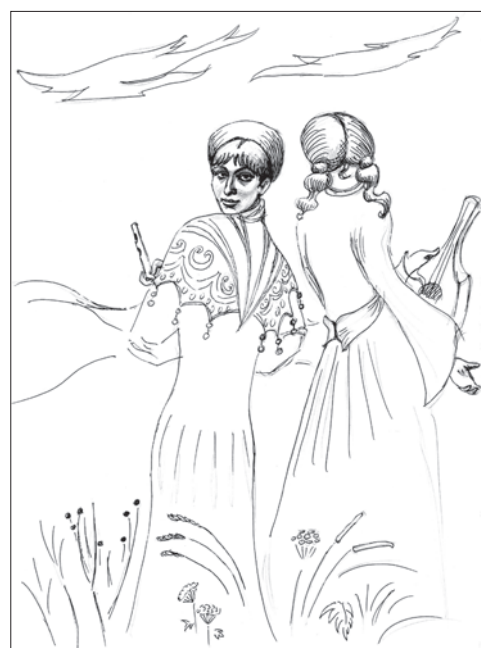
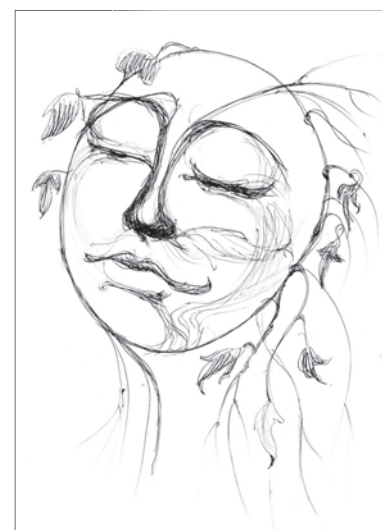
Мы виделись в марте, когда я исполнил «Кота в сапогах», а после, когда ты ушла к себе, проспал пару часов и побежал в киоск за цветами, потом — пора было на экзамен, ты сдавала Пришвина, я тебе вслух читал его накануне ночью — поднялся и вручил тебе в дверях — иногда сквозь надвига-

ющееся сумасшествие я был способен на красивые поступки. Жаль, что они меня не успокаивали.

Мне не хочется вспоминать о следующих общажных встречах — в августе, когда ты приехала с моря с матово загоревшей кожей, в октябре, когда ты играла на гитаре, я записал видео, но когда сгорел жесткий диск, оно пропало, а потом пришли Настя с Тёмой, и несколько фоток все-таки уцелели. Последний раз мы виделись через год, в пока еще твоей комнате, мы сидели напротив кровати твоей соседки с забавной сохатой фамилией, я так и не познакомился с нею, зато полюбился настоящим иконостасом из ее фотографий, развешанных над кроватью. Любовь зла — полюбишь и лося, хотя речь о самообожании. Еще оставался пазл — еще жили — засушенные — подаренные больше года назад цветы («Свидание!»), но мы были другими людьми, я что-то говорил о твоём не случившемся сборнике стихов — еще одно бездарно загубленное мной дело, ты внимательно слушала, а потом мы разошлись — чужие люди, у которых не было совместных дел.

...И все-таки вечер оставляет надежду, что я дождусь утра и придет новый день, а потом еще и еще, что дням этим

не будет конца, что каждое утро я буду возрождаться — мне когда-то хотелось кричать: утра, зачем вы приходите? — теперь мне проще смириться с этим, да что там, теперь я вспоминаю о тебе незаслуженно редко, когда что-то коснется памяти и разбудит этот архив, давным-давно опечатанный. Странно, в это хранилище проникнуть проще простого, скинуть пудовый замок, сдвинуть устало вздыхающую дверь —

в такие минуты преграды сметаются, и массивное сооружение меняет материю — сталь становится плетом и опадает к ногам, обнажая потайное, важное, отблевшее, но оставшееся навсегда.

Я возвращаюсь. В руке минералка, в мыслях кавардак и раздрай.

...Впервые приехал в эту общагу не к тебе и не ради тебя.

14.06.2013 г.

РЕКЛАМА

Список авторов книг,
изданных в «Вест-Консалтинг»

1. Ольга Адрианова	53. Сергей Горбушин	104. Кирилл Ковальджи	157. Наталья Никулина	208. Сергей Стукало
2. Геннадий Айги	54. Лев Готгельф	105. Алла Козырева	158. Николай Никулин	209. Сергей Сутулов-Катеринич
3. Галина Куборская-Айги	55. Виктор Грушко	106. Александр Колобаев	159. Владимир Новиков	210. Александр Сыров
4. Владимир Алейников	56. Ирина Горюнова	107. Юрий Колодный	160. Сергей Нырк	211. Ольга Татаринова
5. Сергей Алимарин	57. Анатолий Гоморев	108. Людмила Колодязная	161. Александр Олейников	212. Жан Тардые
6. Анна Альчук	58. Евгений Гоморев	109. Александр Коновалов	162. Александр Орлов	213. Владимир Титов
7. Елена Антонова	59. Григорий Горнов	110. Александр Кожемякин	163. Дмитрий Остапович	214. Александр Ткаченко
8. Григорий Арлинский	60. Ги Гоффет	111. Людмила Коль	164. Елена Павлова	215. Алексей Ткаченко-Гастев
9. Светлана Артемова	61. Андрей Гусев	112. Юрий Коньков	165. Игорь Панин	216. Дубравка Ораич Толич
10. Сергей Арутюнов	62. Таисия Гуськова	113. Владимир Коркунов	166. Мария Панфилова	217. Дмитрий Тонконогов
11. Игорь Архангельский	63. Олег Гуров	114. Леонид Корниенко	167. Алексей Пахомов	218. Александр Трунин
12. Ирина Асоянц	64. Алла Горчева	115. Ксения Корнилова	168. Станислав Пенев	219. Леся Тышковская
13. Эльдар Ахадов	65. Татьяна Грауз	116. Артём Корсаков	169. Юрий Перфильев	220. Вальтер Тюмлер
14. Рита Бальмина	66. Юрий Григорьев	117. Владимир Кочетков	170. Георгий Петров	221. Валерий Тюпа
15. Роман Барабаш	67. Борис Гринберг	118. Любовь Красавина	171. Юлия Пономаренко	222. Марк Уральский
16. Андрей Баранов	68. Алиса Гринько	119. Сергей Кромин	172. Сергей Попов	223. Борис Устименко
17. Аркадий Бартов	69. Феликс Гурт	120. Ирина Кронгауз	173. Александр Поповский	224. Надежда Ушакова
18. Александр Барынин	70. Алексей Даен	121. Елена Крыжановская	174. Эдуард Просецкий	225. Александр Файн
19. Юрий Беликов	71. Владимир Дашкевич	122. Александра Крючкова	175. Владимир Пучков	226. Наталья Фатеева
20. Виктор Белоусов	72. Эрнест Даусон	123. Борис Кутенков	176. Викентий Пухов	227. Сергей Фед
21. Готфрид Бенн	73. Алина Дием	124. Борис Левит-Броун	177. Снежана Ра	228. Александр Федулов
22. Зоя Билютина	74. Светлана Дион	125. Марина Левина	178. Иосиф Рабинович	229. Наталия Филатова
23. Сергей Бирюков	75. Виталий Дмитриев	126. Алексей Левшин	179. Ксения Радионова	230. Фёдор Филиппов
24. Юрий Богданов	76. Элен Дорион	127. Александр Лейбо	180. Егор Радов	231. Сергей Фотиев
25. Марина Боруна-Малхасян	77. Мария Душаева	128. Илья Леленков	181. Илья Рейдерман	232. Юлиан Фрумкин-Рыбаков
26. Михаил Бойко	78. Виктор Дьяков	129. Слава Лён	182. Ирина Репина	233. Евгений В. Харитонов
27. Константин Брансвик	79. Эдмон Жабес	130. Александр Либеров	183. Евгений Реутов	234. Игорь Харичев
28. Ян Бруштейн	80. Макс Жакоб	131. Наталия Лихтенфельд	184. Наталья Рожкова	235. Бруно Ходнагель
29. Николай Булавкин	81. Максим Жуков	132. Аня Логвинова	185. Татьяна Романова-Настина	236. Михаил Хорев
30. Лео Бутнару	82. Максим Замшев	133. Ольга Любимова	186. Данте Габриэль Россетти	237. Михаил Черва
31. Вир Вариус	83. Сергей Зубарев	134. Александр Лысенко	187. Пётр Ртищев	238. Валерий Черкашин
32. Александр Вепрёв	84. Елена Ерофеева-Литвинская	135. Виктория Лысенко	188. Борис Рубенчик	239. Анастасия Чернова
33. Верочка Вербина	85. Анастасия Ермакова	136. Дмитрий Лукин	189. Катя Рубина	240. Александр Четверкин
34. Анна Ветлугина	86. Владимир Ермолаев	137. Анна Лучина	190. Борис Рублов	241. Дмитрий Цесельчук
35. Татьяна Виноградова	87. Владимир Ерошин	138. Наталья Мамлина	191. Павел Рыков	242. Геннадий Шамрай
36. Виталий Владимиров	88. Наталья Ефимова	139. Питер Н. Мартин	192. Дина Садыкова	243. Олег Шатыбелко
37. Александр Воловик	89. Олег Ёлшин	140. Борис Марченко	193. Алексей Самойлов	244. Татьяна Шемякина
38. Игорь Воловик	90. Константин Иванов	141. Владимир Масалов	194. Елена Сафронова	245. Татьяна Шемякина-Бородянская
39. Дэвид Вонсбро	91. Инесса Ильина	142. Арсен Мелитонян	195. Глеб Сахаров	246. Маргарита Шилова
40. Вячеслав Воронков	92. Инна Иохвидович	143. Вилли Мельников	196. Евгений Селезнёв	247. Леонид Шимко
41. Олег Воронцов	93. Константин Иванов	144. Надежда Мещерякова	197. Людмила Серова	248. Давид Шраер-Петров
42. Инна Враймуд	94. Елена Иванова-Верховская	145. Юрий Милорава	198. Ирина Силецкая	249. Татьяна Щекина
43. Михаил Вяткин	95. Магомед Кадирбеков	146. Елена Минькина	199. Ольга Симоненко-Большагина	250. Любовь Щербинина
44. Наталья Габриэлян	96. Татьяна Кайсарова	147. Александра Миронова	200. Андрей Сокульский	251. Элана
45. Лика Галкина	97. Семён Каминский	148. Мария Миронова	201. Олег Солдатов	252. Инна Юрманова
46. Галина Гедрович	98. Алексей Караковский	149. Сергей Мнацаканян	202. Владимир Солоненко	253. Алексей Юрьев
47. Георгий Геннис	99. Юлий Квартин	150. Вячеслав Моисеев	203. Виктор Соснора	254. Александр Юсупов
48. Максим Гликин	100. Тамара Клейман	151. Ольга Моисеева	204. Анастасия Степанова	255. Ия Эско
49. Владимир Глянц	101. Светлана Климова	152. Виталий Молчанов	205. Евгений Степанов	256. Борис Якубович
50. Александр Говорков	102. Виктор Клыков	153. Важди Мувад	206. Наталья Стикина	
51. Евгений Голованов	103. Юрий Кобрин	154. Антон Нечаев	207. Людмила Строганова	
52. Ирина Голубева		155. Константин Никитенко		
		156. Михаил Николаев		

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 10 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Союза литераторов России
(www.moljane.narod.ru), Холдинговой компании
«Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com) и
Литературно-творческого объединения

МИД России «Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>,
https://twitter.com/litiz_ru

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Нина Давыдова,
Максим Замшев, Константин Кедров, Владимир Масалов,
Арсен Мелитонян, Наталья Рожкова, Евгений Степанов,
Дмитрий Цесельчук

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Василий Манулов

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Представитель в Центральном федеральном округе

Сергей Галиченко

Верстка

Евгений Мелешин

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринин, Наталия Лихтенфельд

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д. 13 а. Заказ № 7296. Общий тираж 5000 экз.